NB.

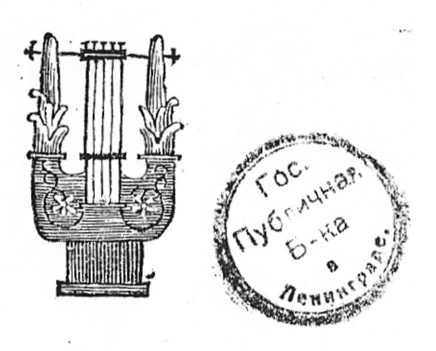
Прошу читателей замѣтить, что въ пѣсняхъ буквы: *и послѣ гласной*, â, ê, û, ô, ѣ—должно произносить какъ острое И; буквы же: ъ, *и безъ значка*—выговаривать одинаково, помягче Рускаго звука Ы. —

МАЛОРОССІЙСКІЯ

ПѢСНИ,

ИЗДАННЫЯ

М. МАКСИМОВИЧЕМЪ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Августа Семена,

при Императорской Медико-Хирург. Академіи.

1827.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Апрѣля 27 дня, 1827 года. Книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ПИСАРЕВУ,

ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРУ, ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ПОПЕЧИТЕЛЮ, ОБЩЕСТВЪ: ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ И ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ ПРЕДСѢДАТЕЛЮ И РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ,

усерднѣйшее посвященіе

Издателя.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наступило, кажется, то время, когда познають истинную цѣну *народности*; начинаетъ уже́ сбываться желаніе—да создастся поэзія истинно Руская! Лучшіе наши Поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя; но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась-бы народность: это суть пѣсни—гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки—гдѣ отсвѣчиваетъ-

ся фантазія народная. Въ нихъ часто видимъ баснословія, повѣрья, обычаи, нравы и не рѣдко событія дѣйствительныя, кои въ другихъ памятникахъ не сохранились: *сказка—складка, а пѣсня—быль*, говоритъ пословица. Въ семъ смыслѣ весьма значительны, а потому достойны вниманія и уваженія были-бы розысканія слѣдовъ народной миѳологіи, обрядовъ, собраніе пѣсень, пословицъ и т. д.—Особенно языкъ совершенствуется изслѣдованіями остатковъ отъ прошедшаго, въ коихъ онъ ближе къ своему корню, слѣдовательно чище въ составѣ и крѣпче въ силѣ. Это можно отнести въ особенности къ пѣснямъ Славянскимъ, кои видимо отличаются своимъ *изяществомъ*. Сіе изящество ихъ можетъ послужить яснымъ доказательствомъ, что поэзія есть врожденное качество духа человѣческаго, что истинная

поэзія можетъ быть его *собственнымъ* произведеніемъ (*).

Съ такимъ образомъ мыслей я обратилъ вниманіе на сіи предметы въ Малороссіи и на первый разъ издаю выборъ пѣсень сей страны, полагая, что онѣ будутъ любопытны и даже во многихъ отношеніяхъ полезны для нашей Словесности—будучи совершенно увѣренъ, что онѣ имѣютъ несомнѣнное достоинство и между пѣснями племенъ Славянскихъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Предоставляю другимъ приводить оныя въ систему и выводить

(*) Въ статьѣ Г. *Бродзинскаго о народныхъ пѣсняхъ Славянъ* (переведенной въ Вѣстникѣ Европы 1826 года № 13)—много сказано весьма хорошаго о семъ предметѣ; онъ говоритъ: Славяне остаются нынѣ народомъ единственнымъ, котораго вкусъ, обычаи и пѣсни — напоминаютъ намъ картину Греціи древней. Стр. 47.

дальнѣйшія послѣдствія: изложу вкратцѣ ихъ содержаніе и характеръ.

Возникшая подобно кометѣ Малороссія долго тревожила своихъ сосѣдей, долго перепадала съ одной стороны на другую и была только обуреваема бѣдствіями и безпокойствами, которыя не дали развиться духу народному и произвели только внутреннее волненіе. Массу ея составили не одни племена Славянскія, но и другіе Европейцы, а еще болѣе кажется Азіятцы. Недовольство и отчасти угнетеніе свели ихъ въ одно мѣсто; а желаніе хотя скудной независимости, мстительная жажда набѣговъ и какое-то рыцарство сдружили ихъ. Отвага въ набѣгахъ, буйная забывчивость въ весельѣ и безпечная лѣнь въ мирѣ: это черты дикихъ Азіятцовъ—жителей Кавказа, которыхъ невольно вспомните и те-

перь, глядя на Малороссіянина въ его костюмѣ, съ его привычками. Такимъ образомъ коренное племя получило совсѣмъ отличный характеръ, облагороженный и возвышенный Богданомъ Хмѣльницкимъ. Свойства кореннаго племени кажется наиболѣе сохранились между дѣвами и женами, кои, будучи отлучены отъ удалыхъ козаковъ своихъ, въ отношеніи къ нимъ весьма грубыхъ, чуждыхъ всякой домовитости, и неимѣя никакого участія въ общественномъ быту ихъ, находили все въ мирныхъ занятіяхъ домашней, сельской жизни.

Скоропостижное соединеніе трехъ первоначальныхъ образовъ жизни—нѣкогда *наѣзднической*, буйной, беззаботной, съ лѣнивымъ однообразіемъ и скудостію жизни *пастушеской* и осѣдлостію *земледѣльческой*—вотъ что составило потомъ особенность Малороссіянъ,

замѣтную еще и донынѣ, по причинѣ малолюдскости. Изъ сего очерка можетъ сдѣлаться нѣсколько понятнымъ и содержаніе и характеръ ихъ пѣсень.

Во первыхъ представляются пѣсни, содержаніемъ своимъ имѣющія смерть козаковъ, отъѣздъ ихъ на чужбину, тоску по родинѣ, *иль схватки боевыя*; а потомъ воспоминаніе объ нихъ. Здѣсь всегда почти находите тоску матери о сынѣ, или сестры о братѣ; любовь отцовскую едва-ли гдѣ встрѣтите. Находите также пѣсни о Гайдамакахъ, столь же удалыя, какъ и самый предметъ.—Особенно замѣчательны *думы* (*) — герои-

---

(*) Малороссійскія Думы извѣстнѣе Сербскихъ пѣсней. Въ нихъ гораздо болѣе сладкой меланхоліи; въ пѣсняхъ же военныхъ болѣе силы и картинъ піитическихъ.—*Бродзинскій*, смотри Вѣстникъ Европы 1826 № 13, стр. 52.

ческія пѣснопѣнія о *былинахъ*, относящихся преимущественно ко временамъ Гетманства—до Скоропадскаго. Ихъ и нынѣ еще поютъ слѣпцы-бандуристы, коихъ можно назвать Малороссійскими рапсодами.

Восемь таковыхъ думъ издалъ Князь Церпелевъ подъ названіемъ: *Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней.*

Каждая дума посвящалась какому-нибудь историческому случаю, либо лицу—въ особенности Хмѣльницкому, Палѣю, Мазепѣ и другимъ.

Сказаніе о частныхъ домашнихъ событіяхъ у козаковъ, составляютъ переходъ отъ думъ къ повѣствованіямъ вымышленнымъ или балладамъ, каковы на пр. пѣснь о Твардовскомъ, пѣснь о построеніи Кіева, кои поютъ также старики бандуристы. Желательно, что бы кто нибудь изъ земляковъ моихъ, въ

Полтавской Губерніи или близь Кіева живущихъ, поспѣшилъ сохранить для Словесности сіи памятники.

Пѣсни женскія во первыхъ суть выраженіе тоски по родинѣ, отъ которой были отлучаемы дѣвы обманами козаковъ; нѣкоторыя, какъ бы повѣствовательныя (каковы: о *Лемеро́внѣ*, о *Бондаро́внѣ*), показываютъ притѣсненія и неистовства, какія терпѣла дѣйствительно Малороссія отъ Канёвскихъ и другихъ Пановъ. Пѣсни любовныя принадлежали, кажется, сперва собственно женскому полу, вмѣстѣ съ самымъ чувствомъ. Онѣ исполнены пылкой страсти. Измѣны часты: онѣ либо были сносимы съ безнадежнымъ отчаяніемъ, либо отмщаемы были чарами, что слѣдовательно встрѣчается не рѣдко; вѣра въ чарованья осталась и понынѣ у женщинъ. —

пѣсни мущинъ, гдѣ видна нѣжность чувства любви, принадлежатъ, кажется, къ послѣдующему времени.

Къ пѣснямъ женскимъ можно отнести пѣсни *праздничныя* и *обрядныя*, кои носятъ на себѣ иногда печать древней Славянской Миѳологіи; но вообще, показывая приверженность къ удовольствіямъ земледѣльческой и семейственной жизни, представляютъ собою образцы весьма изящной, естественной идилліи—(таковы *веснянки*, *троицкія*, *свадебныя*, *на обжинки* и другія пѣсни — смотр. книга четвертая). Въ семъ отношеніи едва-ли какая страна можетъ назваться столь *пѣсенною*, какъ Малороссія: тамъ каждое время года, каждое занятіе къ сельскому быту и жизни семейственной относящееся, сопровождаются особенными пѣснями.—Сюда же

можно причислить и пѣсни *заклинательныя* (*), подобныя Скандинавскимъ.

Наконецъ должно сказать, что у нихъ находится очень много пѣсень веселыхъ и каррикатурныхъ, иногда весьма забавныхъ, но наиболѣе такихъ, при концѣ коихъ всегда покраснѣетъ стыдливость, и которыя бо́льшею частію составляютъ изустную собственность народа, а не принадлежность поэзіи. Веселость у нихъ не такова, какъ въ пѣсняхъ *Краковяковъ*,—она превращается либо въ грубое, либо въ непристойное. Ихъ воображеніе, отъ досуга или съ го́ря разгулявшееся, не знаетъ себѣ мѣры. Сіи пѣсни, по веселому,

(*) Образцы таковыхъ мнѣ показывалъ покойный *Зоріанъ Ходаковскій*, послѣ коего остался знатный запасъ для изданія Малороссійскихъ пѣсень.

рѣзвому напѣву и мѣрному складу, наиболѣе суть плясовыя, и употребляются не столько по словамъ своимъ, сколько по музыкѣ, часто весьма хорошей, каковы на пр. извѣстныя: *Метелиця*, *Горлиця*, *И шумить и гуде*. Есть Руская пословица: *слова изъ пѣсни не выкидать*; посему я и не помѣщалъ ихъ, и для образца предложилъ нѣсколько: *Била жонка мужика*; *Чи я въ мужа не жена*. Должно сказать однако-жъ правду, что многія изъ нихъ весьма остроумны и забавны, таковы на пр. *Мужикъ каже ячмень*, *жонка каже гречка*; или

Танцёвала рыба зъ ракомъ,
А петрушка зъ пустернакомъ,
А цибуля зъ часнокомъ,
А дѣвчина зъ козакомъ.
Цибулиця дивуется,
Якъ хороше танцюется! и проч.

Что касается до характера пѣсень Малороссійскихъ, то сей вопросъ отношу только къ тѣмъ, въ коихъ видно главное стремленіе поэзіи народной. Я ихъ сравнивать могу въ особенности только съ Рускими, ибо пѣсни прочихъ племенъ Славянскихъ мнѣ не столько извѣстны.

Форма Малороссійскихъ пѣсень, равно какъ и самой языкъ, занимаютъ средину между Рускими и Польскими. Съ первыми онѣ сходны *тоническимъ* размѣромъ (*), и слѣдовательно тѣмъ движеніемъ, какого не имѣютъ Польскія. Съ Польскими пѣснями онѣ (а особливо нѣжныя) имѣютъ необходимую частую риѳму или по крайней мѣрѣ созвучіе, звонкія и частыя уменьшительныя слова́, отъ

(*) Пѣсни силлабическаго размѣра сложены болѣе для пѣнья бандуристовъ.

чего зависятъ нѣжность и гармонія, которыми онѣ превосходятъ Руския пѣсни.

Существенное ихъ различіе, по моему мнѣнію, состоитъ въ слѣдующемъ. Въ Рускихъ пѣсняхъ выражается духъ покорный своей судьбѣ и готово повинующійся ея велѣніямъ. Рускій не привыкъ брать дѣятельнаго участія въ переворотахъ жизни, потому онъ сдружился съ природою и любитъ живописать ее, часто прикрашивая; ибо здѣсь только можетъ свободно излиться его душа. Онъ не ищетъ выразить въ пѣснѣ обстоятельства жизни дѣйствительной; но напротивъ желаетъ какъ-бы отдѣлиться отъ всего существующаго и, закрывъ ухо рукою, хочетъ, кажется, потеряться въ звукѣ. По сему Рускія пѣсни отличаются глубокою унылостію, отчаяннымъ

забвенiемъ, какимъ-то раздольемъ и плавною протяженностiю (*). Въ Малороссiйскихъ меньше такой роскоши(**) и протяженности; онѣ, будучи выраженiемъ борьбы духа съ судьбою, отличаются *порывами* страсти, *сжатою* твердостiю и силою чувства, а равно и естественностiю выраженiя. Въ нихъ видимъ не забывчивость и не унылость, но болѣе досаду и тоску; въ нихъ больше дѣйствiя. Сiе-то дѣйствiе отпечатлалось и въ последующихъ пѣсняхъ драмматическою формою, и Князь Церпелевъ справедливо замѣчаетъ(***), что въ

(*) Есть Сибирская поговорка: *Въ Руской пѣснѣ парень да дѣвка; а у насъ, по которой улицѣ идешь, про ту и пѣсенку поешь.*

(**) Изключая пѣсни обрядныя, гдѣ часто онѣ сходятся съ Рускими и другими: почему такъ—видно изъ предыдущаго.

(***) Вѣстн. Евр. 1827. № 12, 276.

Рускихъ превосходнѣе описательная поэзія, что въ нихъ встрѣчаемъ разсказъ сочинителя, между тѣмъ какъ въ пѣсняхъ Малороссійскихъ находимъ драмматическое изложеніе предмета. — Сила ихъ много зависитъ отъ *лаконизма* самаго ихъ языка.

Тоска, которая составляетъ важнѣйшее свойство Малороссійскихъ пѣсней, не прикрываетъ ихъ, но проницаетъ. Она отзывается во всѣхъ пѣсняхъ; даже иронія, къ коей весьма склонны Малороссіяне, часто смѣшивается съ оною, изъ чего происходитъ совсѣмъ особенный, отлично хорошій родъ пѣсень. — Образцы таковыхъ елегико-ироническихъ пѣсень помѣщены въ 3й книгѣ моего собранія, на пр. *Летить орелъ по-надъ моремъ*; *Ой козаче, козаче! молодый*

бурлаче; *Да оре Семенъ оре*, и проч.

Пѣсни нѣжныя отличаются неподражаемымъ простодушіемъ и естественностію, которой ни мало не противорѣчатъ безпрерывныя сравненія. — Духъ, не находя еще въ себѣ самомъ особенныхъ формъ для полнаго выраженія въ его глубинѣ зарождающихся чувствъ, невольно обращается къ природѣ, съ которою онъ, по своему младенчеству, еще друженъ, и въ ея предметахъ видитъ, чувствуетъ подобіе свое гораздо явственнѣе и вѣрнѣе. Посему-то находите столь частыя сравненія съ окружающею безукрашенною природою,—столь частыя бесѣды съ буйнымъ вѣтромъ, *дробнымъ* дождемъ, черными тучами. Унылая, вѣщая *зозуля*, одинокій яворъ, плакучія ивы и гибкія лозы, печальная калина, крещатый

барвинокъ (*) — сіи емблемы отдѣльныхъ состояній духа невольно ему напоминаютъ его самаго, и онъ выражается ими какъ бы потому, что не можетъ иначе (*);

(*) Любопытно бы знать, какъ перешло къ Малороссіянамъ уваженіе *къ рутѣ* и *шалфею,* кои всегда вмѣстѣ такъ часто встрѣчаются въ ихъ пѣсняхъ.—Сіи двѣ травы имѣли большую значительность въ среднія времена, такъ что про нихъ, по тогдашнему обыкновенію, были слагаемы Латинскіе стихи, на примѣръ:

Non est metus mortis,
Cui est Salvia in hortis.
Или: Salvia cum Ruta
Faciunt tibi pocula tuta.

(*) Въ примѣръ Малороссійскаго изрѣченія, сильнаго своимъ безсиліемъ выразиться, можно привести слѣдующее увѣреніе или божбу: *коли я тее, або от-тее: такъ нехай минѣ абы-що, Богъ зна що, от-що, а не тôлько що!*

когда напротивъ въ метафорахъ Рускихъ пѣсень замѣчаемъ больше искусственности, нѣкотораго рода произволъ и желаніе прикрасъ.— Если *сравненія отрицательныя* составляютъ, по мнѣнію Гг. *Глаголева* (*) и *Гнѣдича* (**), отличительное свойство народной поэзіи Руской, то Малороссійскія будутъ отличаться *положительностію* своихъ сравненій.

Что касается до пѣнія, то у Рускихъ гораздо лучше поютъ мущины—это какъ бы ихъ принадлежность; въ Малороссіи сею способностію, и часто въ высо-

---

(*) *О Рускихъ народныхъ пѣсняхъ*. Труды Общества Любителей Россійской Словесности Ч. XI, 1818. стр. 38.

(**) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ *Н. Гнѣдича*. Спб. 1825. стран. XXXIII.

кой степени, обладаетъ полъ женскій. —

Самый напѣвъ или музыка, если онъ равно хорошъ и въ Рускихъ и въ Малороссійскихъ пѣсняхъ, то должно признаться, что въ послѣднихъ онъ несравненно разнообразнѣе; различіе тоже: въ Малороссійскихъ нѣтъ такого раздолья, но сильнѣе страсть.

Изъ великаго множества въ народѣ обращающихся пѣсень, нѣкоторыя были помѣщаемы болѣе или менѣе исправно въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; въ пѣсенникахъ весьма не рѣдко изкаженныя, наиболѣе же противъ языка. Особаго собранія собственно Малороссійскихъ пѣсень еще не было. Переходя изъ устъ въ уста, онѣ часто лишаются многихъ стиховъ, либо оные измѣняются; часто пѣсни не допѣваются, или даже перемѣшиваются; такимъ обра-

зомъ постепенно отходятъ отъ первобытнаго вида.—Не льзя и думать, что-бы можно было возстановить оный; но я старался сличать и соглашать разногласія; случалось сводить иногда двѣ въ одну, либо одну раздѣлять на двѣ; я избиралъ какъ находилъ сходственнѣе съ правильнымъ смысломъ и — сколько понималъ — съ духомъ и языкомъ народнымъ (*). На первой разъ я не могъ болѣе: кто будетъ имѣть случай—соберетъ больше, искуснѣйшіе—сдѣлаютъ лучше. Я желалъ показать доселѣ еще не совсѣмъ извѣстныя сокровища народной поэзіи въ настоящемъ видѣ; посему соблюдалъ строгій выборъ и помѣщалъ пѣсни либо замѣчатель-

(*) Посему-то пѣсни V и VII суть только отрывки, кои помѣстилъ я, опасаясь, что-бы они совсѣмъ не потерялись въ народѣ.

ныя по красотамъ піитическимъ, либо представляющія образъ мыслей, бытъ домашній и пр.

Не вездѣ ставилъ я знаки ударенія, ибо въ стихахъ будутъ ударенія отличаться отъ обыкновеннаго выговора. Сія гибкость и свобода словъ Малороссійскихъ, въ отличіе отъ Польскаго языка, составляетъ немалое достоинство относительно стихосложенія. Руской языкъ сію гибкость имѣетъ еще въ бóльшей степени; одно слово принимаетъ удареніе часто на всѣхъ слогахъ: *зелéный*, *зелéная*; *зеленый*, *зеленáя*; *зéлены* и пр. или:

Полети мой соколъ
Далекó, высокó —
И далéко и высóко...

Такимъ выгоднымъ свойствомъ языка могли-бы возпользоваться

наши По́эты, нимало не погрѣшая противъ духа языка. Впрочемъ при пѣнiи, для которагo вѣроятно складывались слова́, одинакимъ протяженiемъ го́лоса уравниваются слоги различныхъ ударенiй; между тѣмъ какъ смѣрянные слоги нашихъ стиховъ рознятся. — Такая гибкость словъ и тоническая мѣра подобно какъ въ Рускомъ языку; а рифма, частыя (рифмующiяся или по крайней мѣрѣ созвучныя) уменьшительныя слова и самое даже произношенiе на распѣвъ въ простомъ разговорѣ, коими Малороссiйскiй языкъ сходенъ съ Польскимъ — показываютъ, до какой степени простирается его музыкальность. При всемъ томъ онъ способенъ принимать опредѣленный размѣръ и не въоднѣхъ пѣсняхъ плясовыхъ, что также и въ Рускомъ, а еще чаще въ Польскомъ встрѣчается; но въ большихъ даже пiе-

сахъ, какъ показали Г. *Котляревскій* въ своей *Енеидѣ*; и сочинитель *Твардовскаго*, столь удачно отъ начала до конца выдержаннаго. Пѣсня за *Немень иду* показываетъ способность Малороссійскаго языка къ размѣрамъ разнообразнымъ (*).

Наконецъ скажу нѣсколько словъ о правописаніи, мною, изобрѣтенномъ сообразно свойствамъ сего языка. — Въ каждомъ языкѣ есть какъ-бы любимѣйшіе звуки; такъ въ Малороссійскомъ звукъ И, — и сколько оному приписываютъ обыкновенно грубость языка, столько въ самой вещи онъ составляетъ его благозвучіе. Сей звукъ имѣетъ только два измѣненія: *острое* и *мягкое*.

(*) Изслѣдованіе о размѣрѣ и рифмахъ, какія именно, когда и отъ чего были вводимы—предоставляю другимъ.

Объ остромъ И.—Буквою Ѣ мы изображаемъ двойной звукъ ІЕ. Въ Рускомъ языкѣ, который (по свойству сѣверныхъ языковъ) любитъ болѣе губные, нежели гортанные звуки, въ буквѣ Ѣ совсѣмъ не слышенъ звукъ І: онъ слился въ Е и чрезъ то содѣлалъ его острымъ. Посему буква Ѣ замѣнилась-бы или просто буквою Е, или, какъ въ Польскомъ и Сербскомъ, буквами ІЕ.— Въ Малороссійскомъ наоборотъ: перевѣсъ остается на сторонѣ І: звукъ Е слился въ І и чрезъ то содѣлалъ его острымъ. Посему слова́, гдѣ въ Рускомъ пишутъ Ѣ, по всѣмъ Малороссійскимъ нарѣчіямъ, постоянно произносится какъ острое И. Такимъ же образомъ произносится она большею частію и у Болгаръ.

Нѣкоторые исключаютъ букву Ѣ изъ Малороссійскаго правописанія; но я увѣренъ въ противномъ.

Въ острое И часто измѣняются и прочія гласныя буквы, а особливо въ словахъ односложныхъ. Писавшіе донынѣ у насъ на Малороссійскомъ языкѣ, обыкновенно писали такъ, какъ выговариваются, на пр. край мене — писали кріи мене; ячмêнь — ячминь; кôнь — кинь; вѣкъ — викъ... *Г. Павловскій* выдумалъ такой способъ, что-бы звукъ И, произносимый остро, писать І, а потверже выговариваемый, писать Ы; твердое Е писать чрезъ Е, а мягкое чрезъ Ѣ. —

Ожидаю, что будутъ многіе охуждать меня за отступленіе; но я совершенно убѣжденъ, что не должно такъ писать, какъ обыкновенно пишутъ, но какъ нибудь иначе, если не такъ, какъ я пишу: предлагаю мой способъ и основанія онаго.

Я хочу удерживать коренныя

буквы; а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ выговариваются иначе, отмѣчать только ихъ особеннымъ знакомъ; по типографской необходимости, я избралъ знакъ ^. Сіе дѣлаю во первыхъ потому, что пишу не для однихъ Малороссіянъ, но и для Рускихъ, коимъ не понятно будетъ многое, если писать по произношенію и не сблизить хотя нѣсколько правописанія Малороссійскаго съ Рускимъ. Притомъ, нѣтъ ни одного языка, гдѣ-бы произношеніе буквъ не имѣло особенныхъ измѣненій и особенныхъ примѣчаній: а я ввожу очень немного. Не льзя читать совершенно такъ, какъ пишемъ по Руски; но неправильно-бъ было и писать такъ, какъ говоримъ.

Можно-бы согласиться было писать по Малороссійски какъ говорится, если-бы во всѣхъ измѣненіяхъ слова, постоянно удержи-

вался одинъ и тотъ же звукъ; но сего не бываетъ: именит. *мôй кôнь* (пишутъ *мій кинь*), родител. *мого коня*, дател. *мому коню*; именител. *слёзы*, родит. *слéзЪ* (пишутъ *слизЪ*); *нога* уменьшит. *нôжка* (пишутъ *нижка*) — какимъ же образомъ составить лексиконъ? Пишутъ одинаково *нижЪ* — ножъ, и *нижЪ* — нежели; но если, удерживая коренную гласную, напишу: *нôжЪ*, *нéжЪ* — будетъ понятнѣе. Сверхъ сего гласныя буквы не вездѣ въ острое *й* измѣняются: такимъ образомъ собственно измѣняются онѣ по произношенію *Переясловскому* или *Кіевскому* (между Днѣпромъ и Сеймомъ), которое можетъ почесться *центральнымЪ* (*), чистѣйшимъ и нѣжнѣйшимъ. Отъ

(*) Такъ и въ Рускомъ или правильнѣе сказать Великороссійскомъ языкѣ Московское-*столичное* произношеніе.

Сейма вверхъ по Деснѣ буквы сіи измѣняются какъ-бы въ звукъ УИ или ЮИ; конь, соль — не произносятъ какъ въ Переясловѣ чисто *кйнь*, *сйль*; но *куинь*, *сюиль*; далѣе къ Литвѣ — *кунь*, *суль*; а по ту сторону Днѣпра, у Руснаковъ: *кѵунь*, *конь*, *кюнь* (какъ Французское u) и чисто *кинь*. Буква И послѣ гласныхъ, и Ѣ постоянно выговариваются какъ острое И. — Здѣсь становится виднѣе удобность моего правописанія: пишу *кôнь*, *сôль*, *мôй*; Малороссіянинъ пусть произнесетъ каждый по своему; а Руских прошу выговаривать по чистому нарѣчію буквы: *ѣ*, *и* послѣ гласной, *ӑ*, *ĕ*, *ŏ*, *й* — какъ острое *и*.

О мягкомъ или глухомъ И. Внимательно прислушиваясь къ лучшему произношенію Малороссіянъ, я замѣтилъ, что у нихъ нѣтъ столь твердаго звука, какъ въ Рус-

комъ Ы. — Второе измѣненіе звука И у нихъ бываетъ мягче и глуше Рускаго Ы, больше гортанью (по свойству языковъ южныхъ или восточныхъ); слѣдов. Руское Ы у нихъ всегда мягче; а Руское И часто дѣлается тверже, но не какъ Ы, а звукомъ среднимъ между Рускими И острымъ и Ы. — *Мы, милый, быстрый, долина, Литва, листъ*: здѣсь И, Ы вездѣ произносятся одинаково, глухо. Посему И *безъ значка, и* Ы *должно произносить одинаково*! —

Сдѣлаю еще нѣсколько грамматическихъ замѣчаній, и во первыхъ о глаголахъ.

1.) Неопредѣленное наклоненіе, какъ и въ церковномъ, Сербскомъ и Богемскомъ языкахъ, кончается собственно на *ти*: *спѣвати*, *гуляти*. Въ страдательномъ залогѣ также окончаніе либо *тися*, либо *ться*; но въ семъ послѣднемъ

случаѣ выговаривается твердо, какъ *цця*: *сподѣватися* и *сподѣваться* (произносится *сподѣвацця*); такъ и въ третьемъ лицѣ настоящаго времени *тся*, выговаривается какъ *цця*: *гнецця* вмѣсто гнется, *льюцця* вм. льются.

2.) Руское окончаніе *илъ* въ третьемъ лицѣ мужескаго рода всегда замѣняется окончаніемъ *ивъ*: *ходи́въ*, *сидѣвъ*, *стоявъ*, *взявъ*, вмѣсто ходилъ, сидѣлъ, стоялъ, взялъ.

3.) О третьемъ лицѣ настоящаго времени единственнаго числа замѣтить должно, что тамъ, гдѣ въ Рускомъ окончаніе *итъ*, въ Малороссійскомъ всегда Ъ измѣняется на Ь: *хо́дить*, *стои́ть*, *шуми́ть*; а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ Рускомъ глаголѣ предъ ТЪ находится Е (на пр. кличетъ, идетъ, свищетъ, наступаетъ), въ Малороссійскомъ удерживается всегда

только Е, а ТЪ опускается; слѣдов. говорится: *кли́че*, *веде́*, *свище*, *наступае*; а гдѣ предъ Е стоитъ А, тамъ часто выпускается Е: наступае и *наступа́*, спѣва́е и *спѣва́*.

4). Будущее время имѣютъ иногда такіе глаголы, кои въ Рускомъ не употребляются въ семъ времени, на пр. *могу*, въ будущемъ: *могти́му*, *могти́мемъ*. — Также въ повелительномъ: *лягаймо* (ляжемъ), *ходи́мо* или *ходи́мъ* (пойде́мъ). Замѣтимъ, что въ двухъ послѣднихъ словахъ удареніе надъ́ буквою И́, и она выговаривается остро, почему и поставилъ я значокъ. Такъ всегда во второмъ лицѣ повелительнаго наклоненія: *коси́ть*, *паси́ть*, *бери́ть*, *носи́ть*, *бѣжи́ть*.—Тѣ же остаются буквы въ третьемъ лицѣ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, но удареніе

уже большею частію надъ буквою предыдущею, а не надъ И, которое произносится уже́ не остро, но глухо; почему и ставлю оную просто безъ значка: *хо́дить*, *ко́сить*. (Въ словѣ, на пр. *бѣжи́ть*, удареніе остается надъ глухимъ И).

5.) Умаляются не однѣ имена, но также глоголы и междометія: *про̂чь* (прочь)—*про̂чки*; *спа́ти*—*спа́тки*; *ѣсти* — *ѣстки*, *ѣсточки*; *гуляти*—*гулятки*.

Въ разныхъ частяхъ рѣчи буквы *у* и *в* употребляются одна вмѣсто другой: *взявъ* и *узявъ*, *встань* и *устань*, *вслѣдъ* и *услѣдъ*, *впавъ* и *упавъ*, *уже́* и *вже*, *у лѣсѣ* и *въ лѣсѣ*.

Часто *в* прибавляется къ словамъ: *во̂вця́*, *во̂вці̂*—овца, овцы; *во̂нъ*, *вона́*, *воно́*—онъ, она, оно; о̂ко, очі̂ — *во́ко*, *во̂чі̂*. Окончаніе *ця* въ Малороссійскомъ языкѣ все-

гда бываетъ *ця*; слѣдов. и въ жёнскомъ родѣ множественнаго числа не на *цы*, но на *цӣ*: отца—*отця*, молодица — *молодиця*, молодицы—*молодӣцӣ*.—Иногда буква *в* употребляется вмѣсто *л*: *вовкъ*—волкъ, *вóвна*—волна (шерсть).

Часто Рускія слова отъ Малороссійскихъ отличаются перестановкою буквъ: *вѣдьмѣдь*—медвѣдь, *Комлыкъ*—Калмыкъ, *намисто*—монисты, *намастырь* (какъ въ Сербскомъ)—монастырь.

Буква *з* и слогъ *из*, а равно и буква *с*, въ началѣ словъ употребляются безъ разбора одна вмѣсто другой: *стрáтила*, *зтратила*; *знявъ* (снялъ), *изнявъ*; *зъѣвъ*, *изъѣвъ* (съѣлъ). Такъ и предлоги *изъ* и *съ* поставляются безъ разбора одинъ вмѣсто другаго.

Въ дательномъ и предложномъ падежахъ единственнаго числа из-

мѣняются окончанія именъ женскаго рода: *га* на *зѣ*, *ка* на *цѣ*, *ха* на *сѣ*.

Имен.	*нога́*;	дат.	*нозѣ*.
—	*небога*	—	*небозѣ*.
—	*чайка*	—	*чайцѣ*.
—	*дѣвка*	—	*дѣвцѣ*.
—	*сваха*	—	*свасѣ*.

Но въ словахъ мужескаго рода такія измѣненія принимаетъ предложный падежъ:

Имен.	*поро́гъ*;	предлож.	*на поро́зѣ*.
—	*лугъ*	—	*у лузѣ*.
—	*байракъ*	—	*въ байрацѣ*.
—	*горохъ*	—	*у горосѣ*.

Вотъ нѣкоторыя измѣненія мѣстоименій:

Им.	*я*,	*ты*,	*вôнъ*,	*вона́*,	*мôй*,	*моя*.
Род.	*мене*,	*тебе*,	*ёго*,	*еи*,	*мого*,	*моеи*.
Дат.	*минѣ*,	*тобѣ*,	*ёму*,	*êй*,	*мому́*,	*моêй*.
Вин.	*мене*,	*тебе́*,	*ёго*,	*еê*,	*мого*,	*мою*.

Въ Грамматикѣ *Г. Павловскаго* изложены нѣкоторыя свойства

языка Малороссійскаго, подслушанныя довольно чутко; но полной Грамматики донынѣ еще не находится, хотя можно-бы открыть постоянные законы, употребленіемъ и мѣстностями затемненныя. Во многихъ свойствахъ Малороссійскій языкъ ближе Великороссійскаго и Польскаго къ прочимъ языкамъ Славянскаго корня, такъ, что его можно почитать дѣйствительно среднимъ въ системѣ сихъ нарѣчій, какъ и самое положеніе странъ, гдѣ говорятъ симъ языкомъ.

При концѣ книги я приложилъ Словарь(*) и нѣкоторыя особенныя примѣчанія къ пѣснямъ, стараясь

(*) Приводя слова другихъ Славянскихъ языковъ, я имѣлъ въ виду показаніе, къ какихъ еще языкахъ повторились слова Малороссійскія, а не съ какого языка перешли они въ Малороссійскій: сіе требуетъ занятія людей болѣе опытныхъ.

тѣмъ облегчить уразумѣніе оныхъ, сколько мнѣ позволило время. Варіанты, коихъ у меня собрано довольно большое количество, могутъ быть изданы послѣ.

Въ заключеніе долгомъ почитаю изъявить мою благодарность Елисаветѣ Михайловнѣ *Богаевской*, Князю Н. А. *Цертелеву* и другимъ Особамъ, кои оказали мнѣ пособіе доставленіемъ пѣсень и своими совѣтами.

Михаилъ Максимовичъ.

Москва. 1827, Апрѣля 20.

ТВАРДОВСКІЙ (*).

»Нуте, хлопци! швыдко, шпарко!
»Музыкы, заграйте!
»Гей, шынкарю! гей, шынкарко!
»Горилкы давайте!«

Рижуть скрыпкы и бандуры;
Дивчата гопцююгь;
Хлопци, пить ажъ льецця зъ шкуры,
Коло ихъ гарцююгь.

Бряжчать чаркы̀, люлькы̀ шварчять,
Шумуе горилка;
Стукъ, гармыдеръ, свыстять, крычять,
Голосыть сопилка.

Панъ Твардовськы̀й, въ концѝ стола̀,
Съ поставця черкае:
»Гуляй, душа! тра-ла-ла-ла̀!«
На ввесь шынкъ гукае.

(*) Баллада сія помѣщена была въ Вѣстникѣ Европы, 1827 № VI и Славянинѣ 1827 № XXVII. Благодарю усерднѣйше Автора за позволеніе напечать оную здѣсь; но не имѣя его согласія на мое правописаніе, удерживаю правописаніе подлинника.

Въ батька й матиръ Отамана
И громаду лае;
Скрутывъ Жыда якъ гамана,
Ще й усомъ моргае!

Сыкну̀всь Уланъ, — винъ вздовжъ іого
Шаблюкою триснувъ:
Ула̀нъ—тю-тю, га-га, го-го!
Зайцемъ въ кутку прыснувъ.

Взявъ на бакыръ Пысарь шапку;
Панъ гришмы забрязкавъ:
Ажъ—гулькъ! пысарь—вертъ въ собаку.
И на всихъ загавкавъ!

А Шевцеви Панъ Твардовськый
Въ таки̇ знакы̇ дався,
Що, мабуть, изъ часъ Московськый
Барыломъ качався:

Въ нисъ втеребывъ тры бурулькы,
Зъ бурулі́окъ—мовъ зъ кухвы—
Бьють пидъ стелю черезъ рухвы
Джерела сывухы!

Бьють джерела,—Панъ гульвиса
Кухоль пидставляе,
Ажъ, зыркъ въ кухоль!... що у биса?
Вьюнъ на дни играе!

»Гвалтъ, мыряне! що це зъ намы !
»Вылупить лишъ ба́ңькы :
»Вьюнъ уликъ, а цапъ зъ рогамы
»Вылазыть изъ шклянкы ! »

Мекнувъ, (мовъ іого родымецъ
Почавъ мордоваты),•
Та-й спрыбъ въ коминъ! ажъ гулькъ...
Нимецъ
Стоить середъ хаты !

Нисъ—карлючка, родъ свынячый,
Гыря вся въ щетыни ;
Курячи нижкы, собачый
Хвистъ , рижкы цапыни !

Дрыгъ ногою, крутъ рыжкамы,
Въ поясъ поклоныся :
»Ну, Твардовськый! часъ, изъ намы
»Щобъ ты розплатывся.

»Гулявъ есы, верховодывъ ,
»И всимъ въ знакы дався ;
»Дивчатъ любывъ, жинокъ зводывъ ,
»Надъ всимы знущався.

»Чого душа забажала,
»Мавъ всіого ты спилькы !
»Курей, ковбасъ, мяса й сала ,
»Бочка́мы горилкы !

»Нагривъ и намъ ты чупрыну,
»Якъ самъ здоровъ знаешъ:
»Окульбачышъ мовъ скотыну,
»Та всюды й гасаешъ!

»Годи жартоватъ зъ чортамы!
»Слова̀ не полова! . . .
»Чы забувъ яка́ мижъ намы
»Съ тобою умова?

»Лыса гора̀... брытва... палецъ...
»Паперу пивъ карты?...
»Гайда въ пекло! кровъ не смалецъ;
»Съ чортамы не жарты!

»Въ письмѝ стоитъ—чытай смило!
»*На кагалъ бисовськый*
»*Зъ натынкою душу й тило*
»*Одпысавъ Твардовськый.*

»*Служить ѓому чорты мають*—
»Такъ прыйшлось въ умову!
»*Покы въ Рыми не піймають:*
»*Аминь сему слову.*

»Що теперъ, Твардовськый, буде,
»Про те въ пекли знають:
»Сю корчму хрещени люде
»Рымомъ называють! «

Бачь, чортяка! бачь, падлюка!
Якъ умудровався!
Се вже, бачь, Нимецька штука!
Твардовськый озвався.

»Та вжежъ,—чы йты въ пекло справди,
»То й пидемъ, байду́же;
»Але́ й ты робы поправди
»И не чванься дуже!

»Заглянь въ контрактъ твій зо мною:
Яка тамъ умова?
»Ще тры штукы за тобою:
»Вытнешъ?—ни пивъ-слова!

»Отъ бачь, высыть надъ дверыма,
»Завбилшкы изъ цапа,
»Передъ твоимы очыма,
»Маліо̀вана шкапа?

»Нехай шкапа пидо мною
»Огыромъ гарцюе;
»Нехай крутыть головою,
»Стрыба́ и басуе.

»Ты, тымъ часомъ, писку въ жменю;
»Гарапныкъ тройчатый
»Сплеты зъ писку—якъ зъ ремeню,
»Коня поганяты.

»Щежъ попасать коня треба;
»Стать на одпочынокъ:
»То вже гляды, щобъ якъ зъ неба
»Вродывся будынокъ!

»Будынокъ зъ лушпынъ гориха,
»Отъ-тамъ за байракомъ;
»Изъ боридъ Жыдивськихъ стриха,
»Цьвяхована макомъ.

»Отъ и гвиздокъ на почынокъ:
»Чвертъ локтя завздовжкы;
»По тры въ кожну вбый зъ мачынокъ,
»А менше ни трошкы! «

Бисъ перистый свыснувъ, кляснувъ —
Ажъ кинь вже басуе;
Батигъ зъ писку въ лапи ляснувъ...
Твардовськый сумуе.

Скикъ въ стремена! давай драла!
Ажъ, що за одминокъ?
Стриха въ хмарахъ заблыщала,
И стоить будынокъ!

»Выгравъ справу!.. бачь, псяюха,
»Здыхавсь мовъ скаженый!
»Ну! теперъ скупайсь по уха
»Въ водыци свяченый!» —

»Змылуйсь, свате!... я въ сій зъ роду
»Лазни не купався! «
Скорчывсь, зморщывсь, шубовсть въ воду!
Та-й назадъ порвався.

Захлынувся, чхнувъ и прыснувъ;
Трычи закрутывся;
Трычи тупнувъ, трычи свыснувъ,
Ажъ шынкъ затрусывся.

Хмара—якъ ничь—налетила,
И сонце зховалось!...
Галокъ, воро́нъ, крюкивъ сыла
На стриси зибралось!

Крюкають, кавчя́ть, мекечуть
Всимы голосамы;
То завыють, то шепечуть,
Бряжчять ланцюгамы! —

»Ну, Твардовськый! другу справу
»Выгралы чортякы! « —
—»Не кваптесь лышъ! ще на славу
»Втру я вамъ кабакы!

»Куць програвъ, куць выгравъ справу—
Ще якъ доведецця;
»Выграй третю: глянь на лаву!
»Що тоби здаецця?

»Цмокнысь съ жинкою моею :
.»Вона твоя буде !
»Якъ я жывъ на свити зъ нею ,
»Про те знають люде.

»Будь ты ий за чоловика ;
»Остання умова :
»Прысягайсь любыть до вика ,
»Та тогди й ни слова !

»Нехай пипъ вамъ рукы звяже :
»Теперъ , по сій мови —
»Люды добри ! що чортъ скаже ?
»Бувайте здоровы ! «

А чортови не до солы :
Хвостыкомъ кывае ;
Ротъ копылыть—мовъ крынджолы ,
И дверей шукае !

Стрыбъ по хати! хапъ за клямку ! —
Твардовськый по пыци !
Трись по гыри!... розбывъ шклянку
И горщыкъ зъ полыци ! —

»Ой не быйсь, кажу, Твардовськый !
»Гвалтъ! ратуйте, люде !
»Бо вылаю по бисовськы ;
»Сором слухать буде ! « —

А тымъ часомъ—скикъ къ одвирку !
Ну цапомъ стрыбаты !
Зъ прогоныча зуздривъ дирку ,
Та-й шморгнувъ изъ хаты ! —

»Ой! держить, ловить псяюху ! «
Хлопци загукалы ,
А псяюхы нема й духу—
Помынай якъ звалы !

»Жинко люба, годи плакать! «
Твардовськый озвався ,
»Хотивъ зъ чортомъ васъ посватать ,
Та-й чортъ излякався !

»Мабуть вси чорты бурлакы ,
»Та ще й розумъ мають :
»Знають—де зимують ракы —
»Одъ жинóкъ втикають !

»Може въ пекли ынше дило ,
»Въ насъ сiого не мае :
»Жи́нка грызѐ душу й тило ,
»Мужыкъ попывае !

»Нутежъ , хлопци ! швыдко , шпарко !
»Музыкы , заграйте !
»Гей , шынкарю ! гей , шынкарко !
»Горилкы давайте ! «

А.

—•⁂•—

КНИГА ПЕРВАЯ.

Такъ вѣчной па́мяти̂ бувало
У насъ въ Гетьма́нщинѣ коли-сь!...

Котляревскій.

I.

Стойть яворъ надъ водою,
  Въ воду похили́вся;
На козака невзго́донька,
  Козакъ зажури́вся.

Не хили́ся явороньку,
  Ще́ ты зелене̊нькій!
Не жури́ся козаченьку,
  Ще́ ты молоде́нькій!

Не радъ яворъ хили́тися—
  Вода корнû мые;
Не радъ козакъ жури́тися—
  Да се́рденько ные! —

Ой поѣхавъ въ Москóвщину
  Козакъ молодéнькій —
Орѣхове сѣдéлечко
  И кôнь воронéнькій.

Ой поѣхавъ въ Московщину
  Да тамъ и загинувъ,
Свою милу Украину
  На вѣки покинувъ.

Казавъ собѣ: насыпали
  Высоку могилу;
Казавъ собѣ: посадили
  Въ головкахъ калину!

Будуть пташки прилѣтати
  Калиноньку ѣсти,
Будуть минѣ приносити
  Одъ рóдоньку вѣсти! . . .

II.

Го́мо̂нъ, го́мо̂нъ по дубровѣ,
Туманъ поле покрыва́е,
Мати сына проганяе:
По̂йди, сыну, геть одъ ме́не —
Нехай тебе Турки возьмуть!
Мене, не́не, Турки знають —
Мене ко̂ньми надѣляють!

Гомо̂нъ, гомо̂нъ по дубровѣ,
Туманъ поле покрывае,
Мати сына проганяе:
По̂йди, сыну, геть одъ ме́не —
Нехай тебе Орда возьме!
Мене, не̂не, Орда знае —
Срѐбломъ, зло́томъ надѣляе!

Старша сестра коня веде́,
А по̂дстарша збро́ю несе,
А ме́ньшая выпытуе:
Коли, брате, зъ во̂йська прійдешъ?

Возьми се́стро пѣску жме́ню,
Посѣй ёго на каменю;
Ходи къ ёму зôроньками,
Поливай ёго слêзоньками;
Коли сестро пêсокъ зыйде—
Тодѣ́ братъ твôй зъ вôйська прійде!

Гомôнъ, гомôнъ по дубровѣ,
Туманъ поле покрывае,
Мати сына призывае:
Вернись, сынку, до до́моньку,
Змыю тобѣ́ головоньку!
Мене, не́не, змыютъ дожчи,
А розчешутъ густы терны,
А высушутъ буйны вѣтры! . . .

III.

Ой мала вдова сына сокола,
Вы́годовала, въ вôйсько отдала.
Ой старша сестра коня сѣдлала,
А середу́ща ху́стку качала,

А наймолóдша выпроважала,
А мати ёго выпытовала:
Сыну мôй, коли прïѣдешь до насъ?
—Тодѣ я, нене, прïѣду до васъ,
Якъ павине пѣрья на спôдъ потоне,
А млинóвый камêнь на верхъ выплине!

Вжежь млинóвый камêнь на верхъ вы-
плинувъ,
Вже й павине пѣрье на спôдъ потонуло;
А ще мого сына зъ *Гостина* не видно!
Выйшла на гору: ой всѣ полки йдуть,
То мого сына коника ведуть!
Пытала вона́ всей старшины:
Чи не ба́чили сына́ сокола?—
Чи не то твôй сынъ, що сѣмъ полкôвъ
вбивъ,
За вóсьмымъ полкомъ головку зхили́въ?
Зозуля лѣтала надъ нимъ куючи́,
А коники ржали ёгó везучи́,
Колéсы скрипѣли пôдъ нимъ котючи́сь,
Слу́женьки плакали за нимъ идучи!

IV.

Ой у полѣ снѣжокъ прошитъ —
Ажъ тамъ козакъ забитъ лежитъ,
На купинѣ головою,
Накрывъ очи муравою,
Муравою зеленою,
Червоною китайкою.
Въ голо́венькахъ воронъ кряче,
А въ нôженькахъ коникъ плаче:
Або́ мене́ пане пускай,
Або́ минѣ́ заплату дай! —
Зорви ко́ню шовко́вый поводъ,
Бѣжи ко́ню доро́гою,
Зеленою дубровою;
Выѣжъ травы двѣ ко́са́рû,
Выпій воды два озе́рû,
Пôдбѣжи ко́ню пôдъ ворота,
А вдарь коню у копыта!
А выйде до тебе ненька старе́нька,
Козацькая матусенька—
Ой знай коню що казати
Якъ буде у тебе пытати:

Ой коню мôй вороненькій,
А де твôй панъ молоденькій?
Чи ты ёго въ вôйську згубúвъ,
Чи ты ёго пôдъ себе збивъ? —

А ни я ёго въ вôйську згубивъ,
А ни я ёго пôдъ себе пôдбивъ:
Заслуживъ вôнъ паня́ночку,
Въ чистомъ полѣ земляночку! . . .

V.

Береза, чому ты не зеле́на? —
Ой, якъ минѣ зеле́ною бу́ти!
Пôдо мною Татаре стояли,
Копыта́ми землю грасова́ли,
Шабля́ми гôлья позтынали! . . .

VI.

Вѣтеръ гуде́, трава шумитъ,
Козакъ бѣдный убитъ лежитъ

На купинѣ головою,
Накрывъ очи осокою.
Кôнь вороный у нôженькахъ,
Орелъ сизый въ головонькахъ;
Вôнъ козака доглодае,
На кучерû наступае...
Вôнъ до ёго промовляе:
Сизый орле, побратаймось!
Якъ ты брате-орле станешъ
Зъ лобу очû выдирати,
Дай же моѐй ненцѣ знати—
Моѐй ненцѣ старесенькôй,
Матусенцѣ рôднесенькôй.
Ой знай орле що казати,
Якъ у тебе моя мати
Буде про мене пытати!
Скажи: служитъ вôнъ у Хана,
Въ пана Хана Татарина,
У Крымського Добродѣя;
Да выслуживъ королѐвоньку,
Въ чистомъ полѣ могилоньку!

VII.

У ни́зъ иду—вода несе́;
Зъ ни́зу иду—бѣда жене́.
Жалку́ется Лима́нъ морю,
Що Днѣпръ ро́бить свою волю:
Свои гôрла прочищае,
Лима́новы закидае...

VIII.

Ой на мо́рѣ, на морѣ сине́нькôмъ,
Тамъ плавала бѣла лебедонька
Изъ мале́нькими лебедятами.
Де ся-взявъ сизопе̂рый орелъ,
Ставъ лебе́дку бити й забивати,
Стала лебе́дка до ёго промовляти:
Ой не бій мене́ сизопе̂рый о́рлоньку,
Скажу я тобѣ всю щи́рую пра́вдоньку:
Якъ у тôмъ мѣсьцѣ у *Кистринѣ*,
Да бьется Орда уже́ три днû,
Бьется вона три дни́ и три годины,
Розбилася вона на три половины.

Течу́ть рѣчки, а все крова́выи;
Черезъ тѣ рѣчки мо́стять мосты;
Мостять мосты, а все головками,
Головками, а все Московськими.

IX.

Ой бѣда, бѣда
Чайцѣ небо́зѣ,
Що вывела дѣтки
При би́тôй доро́зѣ.
Киги́! киги́! злетѣвши въ
го́ру,
Прійшлось втопиться въ
Чорному морю!

Жито поспѣло,
Приспѣло дѣло;
Йдуть женьцû жати,
Дѣто́къ заби̂рати.
Киги́! киги́! . . . .

Ой дѣти, дѣти!
Де́ васъ подѣти?

Чи минѣ втопиться,
Чи зъ горя убиться?
Кигй! кигй! . . . . . .

И куликъ ча́йку
Взявъ за чубайку!
Чайка киги́че:
Зги́нь ты, куличе!
Кигй! кигй! . . . . . .

А буга́й: *бугу́!*
Гне чайку въ дугу:
Не кричи чайко,
Бо буде тя́жко!
Кигй! кигй! . . . . . .

Якъ не кричати,
Якъ не лѣтати!
Дѣтки малѣньки —
А я ихъ мати! . . .
Кигй! кигй! . . .

X.

По надъ моремъ, Дунаемъ
Вѣтеръ яворъ хитае,
Мати сына питае:
Ой сыне мôй Иване,
Дитя мое кохане!
Якъ я тебе колыхала,
Усю нôченьку не спала;
Якъ я тебе зростила,
Сама себе звеселила;
Якъ я тебе оженю,
Всю родину звеселю;
А якъ тебе въ вôйсько отдамъ,
Сама собѣ печалî задамъ! —
Не журися, моя мати;
Не завдавай собѣ печалî!
Исправь минѣ три трубы,
Да усѣ три мѣдяны,
А четвертую трубу
Исправъ мини золоту.
Въ першу трубу я заграю,

Якъ коника осѣдлаю;
А въ другую я заграю,
На конику сидючи;
А въ третюю я заграю,
Зъ твого двора ѣдучи;
А въ четверту затрублю
Середъ во́йська стоючи
И ша́бельку держучи.

XI.

Во̂дко̂ль ѣдешъ? — Одъ Дунаю! —
А що чува́въ про Михайлу? —
Эге́, чувавъ! я самъ видавъ:
Ишли Лахи́ на три Шляхи́,
Козаченьки на чоты́рѐ,
А Татаре поле крыли.
А въ то̂мъ во̂йську козацькому
Ѣхавъ возокъ да й покрытый
Черво́ною китайкою,
Заслу́гою козацькою.

А въ тôмъ возку було́ тѣло
Порубане, почорнѣ́ле.
За тѣмъ возкомъ кôнь лыца́рськiй;
Веде коня хлопъ козацькiй,
Держить въ руцѣ́ спис довге́нькiй,
А у другôй мечъ ясненькiй —
Ой, ще зъ меча и кровъ тече!
По Михайлѣ мати плаче...
Не барзо вôнъ порубаный:
Головонька на три части,
Бѣле тѣло на чотырê!
На що, ма́ти, траву дбати!
Треба дощо́къ добува́ти,
Хôро́мину будовати!
Дай три доски кленовыи,
Четвертую сосновую:
Безъ дверь ха́та, безъ вôко́нець,
Бо вже прiйшовъ ёму конець!

XII.

Ой у лу́зѣ калина весь лугъ изкрасила;
Породила стара мати жовнѣ́ронька сына.
Породила-жъ вона̀ ѐго въ темненькіи ночі̂,
Дала ѐму бѣле личко и чорныи очі̂. —
Було́-жъ минѣ бѣленького личка не давати:
Було минѣ, моя мати, щастье й долю дати!
Плаче жо́внѣръ, плаче чорными очима;
Вечѐронька на столѣ, а смерть за плечима.
Ой не дай же, не дай Боже въ походѣ умерти:
Тамъ нѣ́кому догля́нути жовнѣ́рськои смерті̂.
Воронъ прилѣ̂тае, въ во̂чи заглядае,
Въ во̂чи заглядае—тѣло объѣдае,
Охъ, объѣвъ во̂нъ бѣле тѣло—кості̂ покида́е!

XIII.

Ой на горѣ да женьцû жнуть,
А по-пôдъ горою
По-пôдъ зеленою
Козаки йдуть.

А по переду Дорошенко
Веде свое вôйсько
Веде Запорôзське
Хорошенько.

По серéдинѣ Панъ Хоружій —
Пôдъ нимъ коничéнько
Пôдъ нимъ вороненькій
Сильне дужій.

А позáду Сагайдачный,
Що промѣнявъ жôнку
На тютюнъ да люльку,
Необачный.

Ой вернися, Сагайдачный!
Возьми свою жôнку,
Оддай мою люльку,
Необачный!
» Минѣ зъ жôнкою не возиться;
» А тютюнъ да люлька
» Козаку въ дорозѣ
» Знадобится!
» Гей! хто въ лѣсѣ? озовися!
» Да выкрешемъ огню,
» Да потягнемъ люльки —
» Не журися!...»

XIV.

Ой спавъ пугачь на могилѣ,
Да й крикнувъ вôнъ: *пугу!*
Чи не дасть Богъ козаченькамъ
Хоть теперъ потугу!...
Що день, що нôчь—усé ждемó...
Поживы не маемъ:
Давно була! Хмельниченька
Уже не згадаемъ!

Ой коли-сь мы воевали,
Да бôльше не будемъ!
Того щастя и той долû—
Повѣкъ не забудемъ!
Да вже шáблû заржавѣли,
Мушкеты—безъ курковъ;
А ще́ се́рце козацькее
Не боится Турковъ! . . .

XV.

Ой не спавъ я нôчку темненькую,
Да не буду спати ще й другую,
Да чому-сь минѣ нудно
И на се́рденьку трудно,
Молодъ козакъ самъ не знаю!

Да вѣють вѣтры все буйныи,
Да идуть дожчи все дрôбныи,
Землю розрушають,
И травою устилають,
Краснымъ цвѣтомъ изкрашають.

Да теперь рѣчки не глыбокіи
И на перевозѣ не широкіи;
А луги́ изъ лугами,
Берѐги зъ берегами,
Де проходють зъ кораблями.

А теперь не проходють,
И бурлакъ не проводють
За вражими ворога́ми!...

XVI.

Въ недѣлю рано пора́но
Не во всѣ дзво́ны дзвони́ли,
Якъ въ вдовинômъ дому гомонѣли.
Лихій вôтчимъ козаченька молодого лае,
Мати сыну слêзно промовляе:
Иди ты, сыну, межъ чужіи люди,
Чи не лучче тобѣ́ на чужинѣ буде?
Нехай тебе чужій батько,
Сыночку, не лае —
Щастя твого козацького
Навѣкъ не збавляе!

Тяжко, тяжко минѣ тебе
Зъ дому одправляти;
А ще тяжче бйля сéбе
Въ знегодьи держати!
Хоть пôйдешъ ты на чужину—
Слёзы минѣ лити;
Хоть зоставлю тебе, сынку —
По всякъ часъ тужити!...

То старшая сестра коненька выводить,
Середня зброю срêбную выносить,
Що найменьша — рыдае,
Словами промовляе:
Изъ якои тебе, брате,
Сторóноньки ждати?
Чи одъ чистого поля,
Чи одъ Чорного моря,
Чи одъ славного Запорозья?

Возьми ты, сестро, жóвтого пêску,
Да посѣй ты, сестро, на бѣлому камнѣ:

Коли буде жовтый пѣсокъ выростати,
Зеленымъ барвѣнкомъ камѣнь устилати —
Въ той часъ буду, сестро, до васъ прибувати!

Бо якъ тяжко на безводьѣ
Рыбѣ пробувати,
Такъ тяжко на чужинѣ
Безрôдному проживати.

То тее промовлявъ,
На коня сѣдавъ,
Опрощенье прiймавъ,
Смутно зъ двора отцѣвськаго козакъ выѣзжавъ.
Довго воны на могилѣ край села стояли;
Довго, довго козаченька вôчми провожали, —
А ще дôвше воны ёго дома оплакали.

———

XVII.

Засвистали козаченьки
Въ походъ зъ полуночі ;
Заплакала Марусенька
Свои ясны очі. —

Не плачъ, не плачъ, Марусенько !
Не плачъ, не журися :
За своёго миленького
Богу помолися ! —

Стоитъ мѣсяць надъ горою,
Да сонця не мае ;
Мати сына въ дороженьку
Слёзно проважае :

Прощай милый, мôй сыночку,
Да не забавляйся !
Чрезъ чотырê недѣлоньки
До дому вертайся. —

Ой радъ бы я, матусенько,
Скорѣйше вернуться;
Да вже що-сь мôй вороненькій
Въ воротахъ спôткнувся.

Ой Богъ знае коли вернусь,
Въ якую годину:
Прійми-жъ мою Марусеньку
Якъ рôдну дитину.

Пріими ее̂ матусенько —
Всѣ въ Божіе̂й волѣ!
Бо хто знае: чи живъ вернусь,
Чи ляжу на полѣ? —

Ой рада я Марусеньку
За рôдну приняти;
Да все не такъ вона мене
Буде шановати. —

Ой не плачте, не журûтесь,
Въ тугу не вдавайтесь:
Загравъ мôй кôнь вороненькій,
Назадъ сподѣвайтесь!

XVIII.

У Глу́ховѣ у го́родѣ
Во всѣ дзвоны дзво́нять;
Да вже нашихъ козаченькôвъ
На линію гонять.

У Глуховѣ у го́родѣ
Стрѣльнули зъ гарматы;
Не по однôмъ козаченьку
Заплакала мати.

У Глуховѣ у го́родѣ
Стрѣльнули зъ ружницû;
Не по однôмъ козаченьку
Плакали сестрицû.

У Глуховѣ у го́родѣ
Поплетены сѣтки;
Не по однôмъ козаченьку
Заплакали дѣтки.

На быстрому на озерѣ
Геть! плавала качка;
Не по однôмъ козаченьку
Плакала козачка.

У Грицьковѣ огнû горять,
А въ Пôлтавѣ дымно;
На могилѣ Гетьманъ сидить —
Геть, тамъ! ёго видно.

Допевня́йся-жъ, нашъ Гетьмане,
Допевняйся платы!
Якъ не будешъ допевняти,
Будемъ утêкати.

Ой идûть-же вы, Пано́ве,
До Петра до свата, —
Ой тамъ буде вамъ, Панове;
Велика заплата:
По заступу у рученьки,
Да щé и лопата!...

Ѣхавъ козакъ на линію
Да й вельми надувся;
Иде козакъ изъ линіи—
Якъ лихо зогнувся.

XIX.

Да иде чумакъ да дорогою —
Думае, гадае. . .
Да оглянется да чумакъ назадъ —
Ажъ воловъ не мае! . . .
Да сѣдлай хлопку, да сѣдлай малый
Коня вороного!
Да бѣжи хлопку, да бѣжи малый
Воловъ шукати!
Да оглянется да чумакъ назадъ:
Ажъ воловъ женуть;
А за волами, да за возами
Бусурмена ведуть.—
Да бѣжи хлопку, да збирай малый
Людей громаду!

Да берúть, ведúть да бусурмена
На крутую гору! —
Да ведуть, ведуть да бусурмена
На крутую гору;
А у Кіевѣ да на рыночку
У всѣ дзвоны дзвóнять.

XX.

Ой ревнула корова у порога.
—Зоставайся милая здорова! —
Ой ревнуло малéньке телятко.
— Зоставайся мое серденятко! —
»Ой вернися, мôй милый, вернися!
»Варéнои горѣлки напійся.
—Не вернуся, мила, не вернуся:
Я въ дорозѣ сырои напьюся,
До тебе въ недѣлю вернуся,
Въ зеленый жупанъ наряжуся! —
»Дитя плаче, а ты не колышешъ,
»Все на мене важкимъ духомъ дышешъ;
»Въ комору йдешъ—нагайки пытаешъ,
»Въ сѣнечки йдешъ—сѣдéльця шукаешъ!»

XXI.

Дума о походѣ Хмѣльницкаго въ Молдавію.

Изъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе, повѣвае;
Вôйсько козацьке въ походъ выступае:
Тôлько Богъ Святый знае,
Що Хмельницькій думае, гадае!
Объ тôмъ не знали ни Сотники,
Ни Атаманы Курêнныи, ни Полковники:
Тôлько Богъ Святый знае,
Що Хмельницькій думае, гадае!...

Якъ до Днѣстра прибували,
Черезъ три перевозы переправу мали;
Самъ Хмельницькій напередъ всѣхъ рушáвъ,
До Хотіи прибŷвавъ,

У старшого Капитана на квартырѣ
ставъ,
До Василя Молдавського листы посылавъ,
Словами промовлявъ:
Що ты зо мною будешъ гадати —
Чи будешъ биться,
Чи будешъ мириться;
Чи на примирье будешъ пріймати,
Чи славнои Волôщины половину отда-
вати? —

То Василій Молдавській тее зачувавъ,
До Потоцького листы посылавъ,
Словами промовлявъ:
Гетьмане Потоцькій,
Що въ тебе розумъ жôнôцькій!
Ты за дорогими напитками, бенкетами
уганяешъ....
Чомъ ты Хмельницького не еднаешъ?
Вже почавъ вôнъ землю кôньськими ко-
пытами орати,
Кровъю Молдавською поливати!...

Тодѣ Ляхи изъ города изъ Сочавы утѐ-
кали,
Василію Молдавському знати давали.
То Василій Молдавській до Ясъ прибувае,
Словами промовляе:
Ой вы, Ясы мои, Ясы!
Були есте барзо красны—
Да зже не будете такû,
Якъ прійдуть козаки!...

То Панъ Хмельницькій добре учинивъ:
Польшу засмутивъ,
Волощину побѣдивъ,
Гетьменьщину звеселивъ!
Въ той часъ була честь, слава,
Войськовая справа —
Сама себе на смѣхъ не давала,
Непріятеля пôдъ ноги топтала

XXII.

Дума о козакѣ Са́вѣ.

Ой бувъ Сава въ Немировѣ
Въ Ляхо̂въ на обѣдѣ;
И не знае, не вѣдае
О своеи бѣдѣ.

Сѣдлай хлопку, сѣдлай малый,
Коня вороного!
Поѣдемо мы до дому,
Хотя насъ не много. —

Ѣде Сава зъ Немирова
На вороно̂мъ коню. . .
Пытается челя́доньки:
Чи все гара́здъ дома? —

Гара́здъ, гара́здъ, пане Саво!
Ще лучче зъ тобою,
Якъ тебе мы поба́чимо
На вороно̂мъ коню.

Гараздъ, гараздъ, пане Саво!
Усé хорошенько;
Выглядають изъ за горы
Козаки частенько. —

Сидить Сава въ концѣ стола,
Да листоньки пише;
А Сáвиха на лѐженьку
Дитину колыше. —

Пôйди дѣвко у пивницю,
Уточи горѣлки;
Ой нехай же я напьюся
За здоровье жôнки.

Пôйди дѣвко у пивницю
Да принеси пива;
Ой нехай же я напьюся
Да за свого сына.

Пôйди дѣвко у пивницю
Внеси минѣ меду;
Чого-сь минѣ трудно-нудно,
Головы не зведу.

Тôльки-жъ тая челядонька
На порôгъ ступае:
Ажъ Микитка пану Савѣ
Чолóмъ отдавае. —

Здорóвъ, здоровъ, пане Саво!
Якъ ся собѣ́ маешъ?
Добрыхъ гостей собѣ маешъ:
Чѣмъ ихъ привѣтаешъ?

Ой чи медомъ, ой чи виномъ,
Ой чи горѣлкою?
Попрощайся зъ своимъ сыномъ,
Зъ своею жôнкою. —

Ой давъ бы вамъ меду й пива,
Не хóчете пити;
Ой вы мене молодого
Хочете згубити. —

Ой веди-жъ насъ, пане Саво,
У нову комору;
Да оддавай, пане Саво,
Козацькую зброю.

А де-жъ тыи, пане Саво,
Су́кнѝ, едама́шки,
Що ты нажи́въ, вражій сыну,
Зъ козацькои ласки? —

Ой кинется да панъ Сава
До ясного меча...
Его взяли на три списы́
Изъ правого плеча.

Ой кинувся да панъ Сава
До ясной зброи...
Его взяли да пôдняли
На три списы къ горѣ.

Отсе-жъ тобѣ, пане Саво,
Сукнѝ, едамашки,
Що ты нажи́въ, вражій сыну,
Зъ козацькои ласки!...

А Са́виха молодая
Въ вôкно утêкала,
На молоду челядоньку
Спильна́ поглядала.

Хапа́й, хапа́й челядонько
Малу́ю дитину;
Будешъ жити, панова́ти,
Коли я не згину. —

Не боится козаченько
Ни грому, ни тучі̂:
Хорошенько въ кобзу грае,
До Савихи йдучи.

XXIII.

Дума Гетмана Мазепы (*).

Всѣ покою щире пра́гнуть,
А не въ одинъ гужъ всѣ тягнуть;
Той на право, той на лѣво —
А все братья: то-то диво!
Нема́шъ любви, немашъ згоды,
Одъ Жовтои взявши Воды;

(*) Изъ IIIй части Исторіи Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго. 1822. стр. 296. —

Презъ незгоду всѣ пропали,
Сами себе звоевали.
Эй, братища, пора знати,
Що не всѣмъ намъ пановати,
Не всѣмъ дано всее знати
И рѣчами кероватп!
На корабель поглядимо,
Много людей полѣчимо:
Однакъ стирникъ самъ керуе,
Весь корабель управуе!
Пчулка бѣдна матку мае,
И онои послухае! . . .
Сжалься, Боже! Украинѣ,
Що не вкупѣ мае сыны!
Еденъ живе изъ поганы,
Кличе: сюда Атаманы!
Идемъ матки ратовати,
Не даймо ей погибати! —
Другій Ляхамъ за грошъ служить,
По Вкраинѣ и той тужить:
Мати моя стаpенькая.
Чомъ ты вельми слабенькая!

Рôзно тебе розшáрпали,
Кгди ажъ по Днѣпръ Туркамъ дали,
Весь ихъ фортель що-бъ зслабѣла
И ажъ въ конецъ силъ не мѣла. —
Третій Москвѣ южъ голдуе,
И ей вѣрно услугуе.
Той на матку нарѣкае,
И недолю проклинае:
Лѣпше було не родити,
Нежли въ такихъ бѣдахъ жити!
Отъ всѣхъ сторонъ ворогуютъ —
Огнемъ, мечемъ руинуютъ;
Отъ всѣхъ нема зычливости,
А ни слушной учтивости;
Мужиками называютъ,
А подданствомъ нарѣкаютъ.

Чомъ ты сынôвъ не учила,
Чомъ одъ себе ûхъ пустила!...
Лѣпше було пробувати,
Вкупѣ лихо одбувати! —

Я самъ бѣдный не здолаю,
Хибá тôлько заволаю:

Эй, Панове Енералы,
Чому́ есте такъ оспали?
И вы, Панство Полковники,
Безъ жадноѝ полѣтики —
Возміте ся всѣ за руки,
Не допустіть горькоѝ муки
Матцѣ своеѝ бо̂льшъ терпѣти!
Ну́те враговъ, нуте бити!
Самопалы набувайте,
Острыхъ ша́бель добувайте,
А за вѣру хочъ умріте,
И вольностеѝ бороніте!
Неха́й вѣчна буде слава,
Же презъ шаблю маемъ права!...

XXIV.

Злая мать.

Охъ уже́ сѣмъ лѣтъ Донця на Донъ нѣтъ,
А на восьмый годъ Донецъ на Донъ ѣде.
Пристигла ёго но̂чька темная,
Но̂чька темная, де невидная.

Во̂нъ самъ лёгъ да на курганѣ ,
Привязавъ коня до дубового колка ;
Прилѣзла къ ёму чорна га́дина ,
То не гадина—то мати ёго. —
Охъ ты ѣдь козаче да швыдчѣй на Донъ!
Охъ уже тво̂й дво̂ръ изпустôшенный,
Вже твоя жо̂нка да за мужъ по̂шла,
Вже твои дѣтки посиротѣли ,
Вже твои слуги безъ пана живуть,
Вже твои жупаны поношены,
Вже твои меды—одпечатаны ! —
Прiѣзжае козаченько на тихiй Донъ;
Зустрѣла ёго жо̂нка молода.
Ой якъ вы́хопивъ да остренькiй мечъ ,
Да й изня́въ жо̂нцѣ головку изъ плечъ.
Прiѣзжае козакъ да у сво̂й у дво̂ръ ;
Въ ёго дворочокъ да якъ вѣночокъ :
Дѣточки ёго за столомъ сидять ,
За столомъ сидять, все перомъ пишуть;
А слуги ёго золотомъ шiють ,
Золотомъ шiють, сильне́нько плачуть
По своёй па́неи, да по до́бренько̂й ;

Якъ увойде вôнъ въ новы коморы:
У его жупаны да позлéжовались.
Якъ увойде вôнъ у новыи погребы:
У его меды позацвѣтали.
Якъ увойде вôнъ у нову свѣтлицю:
Ой ты мати моя, моя мати,
Ты не мати—чорна га́дина!
Зъѣла сонце, зъѣжъ и мѣсяця,
Зъѣжъ и зôрочки—дрôбны дѣточки!

XXV.

Зловѣщій сонъ козака.

Якъ поѣхавъ козаченько на полованье,
Да й покинувъ Марусеньку на горёванье.
Горюй, горюй Марусенько, покуль буду
живъ! —
Переѣхавъ козаченько и тихїй Дунай.
Якъ выѣхавъ козаченько въ чистее поле,
Пустивъ свого вôнъ коника на попасанье,
А самъ припавъ къ сырой землѣ на спо-
чиванье.

Якъ приснився козаченьку дивне́сенькій
сонъ:
Зъ подъ правои ручки злынувъ ясенькій
соколъ,
Зъ подъ лѣвои зъ подъ бѣлои сизая зо-
зуля.—
Якъ поѣхавъ козаченько до воро́женьки.
Воро́женько, голу́бонько! одгада́й минѣ
сонъ:
Зъ подъ правои ручки злынувъ ясенькій
соколъ,
Зъ подъ лѣвои зъ подъ бѣлои сизая зо-
зуля.—
Вороженька голубонька сонъ одгадала,
Молодому козаченьку жа́лю задала:
Вже-жъ твоя Марусенька сына привела,
А за сыномъ Марусенька сама полягла!—

Прiѣзжае козаченько по́дъ воро́течка;
Стукнувъ, пукнувъ его коникъ у копы-
течка;
Двойчатыи воро́течки одчинялися,
Тройчатыи оконечки одкрывалися.

Якъ увойде козаченько у нову свѣтлицю:
Лежить ёго Марусенька на престольницѣ!

Ударится козаченько объ дубовый столъ:
Ой чо́мъ, ой чо́мъ дубовый столъ не прибранъ стоишъ?
Чи вже-жъ въ тебе, дубовый столъ, хозяйки нема?—
Була́ въ мене хозяечка Маруся твоя!...

Ножки мои скоре́нькіи, чомъ не по́йдете?
Ручки мои бѣленькіи, чомъ не робите?
Очки мои ясненькіи, чомъ не глянете?
Уста мои саха́рныи, чомъ не мовите?
» Ножки мои скоре́нькіи—находилися,
» Ручки мои бѣленькіи — наробилися,
» Очки мои ясненькіи—надивилися,
» Уста мои сахарныи—наговорилися!

КНИГА ВТОРАЯ.

Тôльки минѣ́ й легче стане,
Якъ трóшки поплáчу!

Малоросс. пѣсня.

XXVI.

Вѣють вѣтры, вѣють буйны,
Ажъ деревья гнутся;
Ой, якъ болить мое се́рце,
Сами слёзы льются!

Трачу лѣта въ лютомъ го́рѣ
И конця не ба́чу;
То̀льки минѣ й легче стане,
Якъ трошки попла́чу!

Не поможуть слёзы щастю—
Се́рцю легче буде!
Хто щастли́въ бувъ хоть часочокъ,
По вѣкъ не забуде!

Есть же люди, що и моѐй
Завидують долѣ:
Чи щасли́ва-жъ та былинка,
Що росте́ у полѣ?

Ой у полѣ на пѣсо́чкў,
Безъ росы́ на сонцѣ...
Тяжко жити безъ милого,
На чужо̂й сторо́нцѣ!

Безъ милого долѝ нема́,
Стане свѣтъ тюрьмою;
Безъ милого щастя нема́,
Нема́ и покою!

Де́ ты милый, чернобривый?
Де́ ты? озовися!
Якъ безъ тебе я горюю —
Прійди подиви́ся!

До кого я пригорну́ся,
И хто приголубитъ —
Коли нема́ того тупа
Якій мене́ любитъ!

Полетѣла-бъ я до те́бе,
Да крыле́цъ не маю;
Сохну, чахну я безъ тебе,
Всякъ часъ умѝраю.

XXVII.

Ой сама́ я, сама́ пшени́ченьку жала;
Ой прійду́ я до до́моньку — нема́ мого па́на!
Челя́донька у дому́ — ой що-жъ минѣ по
тому̀?
Дала-жъ бы я бѣлы ручки — да нема́е кому́!
Пôйду я до комна́ты постѣлоньки сла́ти:
Постѣль бѣла́, стѣна нѣма́, нѣ съ кѣмъ
розмовля́ти!
Ой постѣль бѣле́нька, а стѣна нѣме́нька:
Сжалься, сжалься, милый Боже! ще я
молоде́нька.
Ой выйду я, выйду на крутую го́ру;
Ой стану я, ой гляну я на быстре́ньку
воду:
Щука рыба въ водѣ до волû гуляе;
А я стою́ да ду́маю, що па́ры не маю.
Минѣ тôльки пары, що о́ченьки кары!
Тôльки-жъ минѣ всей любовû, що чорныи
бровû!

Очû-жъ мои ка́ры, бѣда минѣ зъ вами:
Не хо́чете привыкати безъ ми́лого сами!
Хоть хо́чете, не хо́чете—треба привы-
кати,
Уже́-жъ бо вамъ миле́нького по вѣ́къ не
видати!

XXVIII.

Въ огоро́дѣ хмели́нонька
Грядки устила́е;
Про-межъ людьми дѣвчи́нонька
О, гôрько рыдае.
Що-жъ хмелина зелене́нька,
Що не вьется въ гору?
Що-жъ дѣвчина молоде́нька
Прокли́нае долю?
Якъ хмели́нѣ въ гору виться —
Тычины нема́е!
Якъ дѣвчи́нѣ не жури́ться —
Козакъ покидае!

XXIX.

Ой летѣла зозуленька
Черезъ поле, гай;
Да й згубила рябе пѣрце
На тихій Дунай.

Ой якъ тому рябенькому
Пѣрцю на Дунаю —
Ой такъ минѣ сиротинѣ
На чужому краю!

Ой покочу золотый перстень
По крутôй горѣ —
Пôйшли мои лѣта зъ свѣта
Якъ листъ по водѣ!...

XXX.

Ой плавала сѣра утка по водѣ,
Кликала вона матêнку икъ собѣ:
Прибудь моя матêнко икъ минѣ,
Ой дай минѣ порадоньку, бѣдной сиротѣ! —

Ой рада-бъ я, дитя мое; прибути къ тобѣ —
Насыпано сырой землû на грудû мои,
Склепи́лися чорны очû на всѣ ночû,
Закипѣли уста кровъю—не промо́влю!
Ой кори́ся, дитя мое, чужо́й сторонѣ;
Нехай дае́ пора́доньку бѣдной сиротѣ. —
Корилася, моя матѣнко, не разъ и не два—
Да не дае порадоньки чужа сторона!

XXXI.

По за садомъ дорога
До самого порога;
По за садомъ сте́жечка
Да до мого сердечка.
Ой пôйду я блукати,
Свого роду шукати;
Да не нашла родины,
Ни вѣрнои дружины;
Нашла въ полѣ ялину,
Ма́тѣнчину могилу.—

Устань не́не до ме́не!
Горе минѣ безъ тебе!
Горе минѣ на чужинѣ,
Нема роду при минѣ.
Нема роду, родины,
Ни вѣрнои дружины!
Солове́йко мале́нькій,
Въ тебе голосъ тоненькій:
Защебечи ты минѣ,
Що я въ чужôй сторонѣ;
Нема роду, родины,
Ни вѣрнои дружины.
Да вже-жъ сіи вороги
Кругомъ хату обняли, —
Не такъ хату, ще й сѣни
Воро́женьки обсѣли.

XXXII.

Ой полети́ га́лко, де́ мôй рôдный ба́тько:
Нехай мене одвѣ́дае, коли мене жалко!...
Галочки немае, батенька не буде;
Ой де́-сь мене нещастную навѣки забли!

Чи ихъ порубáно, чи въ полóнѣ за-
нято ?
Уже-жъ минѣ свѣтъ немилый, ни въ
будденъ, ни въ свято !
Ой полети орле, де мôй брâтикъ оре :
Нехай волôвъ покидае—мене одвѣдае !
И орла немае, братика не буде ! . . .
и проч.
Полетит синицѣ, де рôдны сестрицѣ :
Нехай мене одвѣдають, мои жалôбницѣ !
И синиць немае, и сестриць не бу-
де ! . . . и проч.
Плыви, плыви утко, противъ воды
прудко :
Скажи моей матêнцѣ, що я умру хутко!
Утêнки немае, матêнки не буде ! . . .
и проч.
Ой на горѣ верба, пôдъ горою корчма;
Ой тамъ мôй рôдъ пье, гуляе, мене по-
минае :
Ой де-сь наша нещастная въ свѣтѣ
погибае !

XXXIII.

Не жаль минѣ на га́лоньку,
Минѣ жаль на ворононьку:
Завêвъ мене мôй миленькій
На чужую сторононьку!
А на чужôй сторононцѣ
Зовуть мене заволо́ко̀ю, —
Кажуть плысти черезъ рѣченьку,
Быстренькую и глыбокую. —
Чи минѣ плысти, чи мнѣ бресты,
Чи мнѣ въ неи утопитися?
Бѣда-жъ минѣ на чужинѣ:
Нѣ до кого прихи́литися?...
Прихи́люся до *ду̑боньки*:
Мнѣ ду́бонько—да не батенько:
Вѣтеръ вѣе, гôлья́ мае,
А вôнъ стоить не промовляе!
Усе́ горы! усе́ лѣсы!
Нѣгде воды напитися! —
Бѣда минѣ безъ матêнки:
Нѣ до кого прихилитися! —

Прихилюся до *липоньки* :
Мнѣ липонька да не матѐнка :
Вѣтеръ вѣе , го̂лья мае—
Вона́ стоить , не промовляе.
Усе́ горы, усе лѣсы !
Нѣгде воды напитися ! —

Бѣда минѣ безъ братика :
Нѣ до кого прихилитися !
Прихилюся до *явора* :
Минѣ яворъ да не брати̂чокъ :
Вѣтеръ вѣе, го̂лья мае—
А во̂нъ стоить, не промовляе!
Усе горы, усе лѣсы !
Нѣгде воды напитися !

Бѣда минѣ безъ сестрицы̂ :
Нѣ до кого прихилитися !
Прихилюся до *бере́зоньки* :
Мнѣ березонька да не сестронька:
Вѣтеръ вѣе, го̂лья мае —
А вона́ не промовляе.
Усе́ горы , усе́ лѣсы—
Нѣгде воды напитися !

Бѣда минѣ безъ родины:
Нѣ до кого прихилитися!
Прихилюсь я до *ялины*:
Мнѣ ялина не родина:
Вѣтеръ вѣе, гôлья мае,
А вона́ не промовляе,
Бѣдна душа моя пропадае!

XXXIV.

Хили́лися густы лозы
Вôдкôль вѣтеръ вѣе;
Дивилися кары очû
Вôдкôль милый ѣде.
Хилилися густы лозы,
Да вже й перестали;
Дивилися кары очû,
Да й плакати стали. —
Въ концѣ гре́блû шумять вербы,
Що я насадила, —
Нема жъ того козаченька;
Що я полюбила!

Ой немае козаченька —
Поѣхавъ за Десну:
Рости, рости дѣвчинонько
На другую весну! —
Росла, росла дѣвчинонька,
Да й на порѣ стала;
Ждала, ждала козаченька,
Да й плакати стала.
Ой не плачте кары очû,
Така ваша доля:
Полюбила козаченька
Я къ мѣсяцю стоя! —
Зелененьки огурочки,
Жовтеньки квѣточки!
Нема мого миленького,
Плачуть кары очки!
Болять, болять мои очки,
Серденько поныло...
Не бачу я миленького —
И дѣло не мило!...

XXXV.

Йшовъ милый горо́нькою,
Мила пôдъ горою;
Зацвѣвъ милый ро́жонькою,
Мила калиною. —

Ой ты живешъ на го́роньцѣ,
А я пôдъ горою;
Ой чи тужишъ такъ за мною,
Якъ я за тобою?

Ой коли-бъ такъ ты за мною,
Якъ я за тобою:
Жили-бъ, жили-бъ, мое серце,
Якъ рыба зъ водою! —

Рыба́лочка по бережку
Да рыбоньку ло́витъ;
А милая по милому
Бѣлы ручки ломитъ.

Рыбалочка по бережку
Да рыбоньку у́дитъ;
А милая по милому
Бѣлымъ свѣтомъ нудитъ.

Рыбалочка по бережку
Рыбоньку хапае;
А милая по милому
Тяженько вздыхае.

Рыбалочка по бережку
Якъ ласточка вьется;
А милая по милому
Якъ горлиця бьется. —

Чи ты милый припавъ пыломъ,
Чи метелицею,
Що до мене ты не ходишъ
Сею улицею? —

Вже-жъ я ходивъ, вже-жъ я надивъ
Да пôвтора року,
Докôль, докôль не дознались
Ворôженьки зъ боку.

Ой радъ бы я, моя мила,
До тебе ходити:
Засѣдаютъ вороженьки,
Хотятъ мене вбити!...

Котилися возы зъ горы,
Да въ долинѣ стали;
Кохалися, любилися —
Теперъ перестали.

Кохалися, любилися,
Що мати не знала;
Не дай Боже розыйтися,
Якъ чорная хмара.

Чорна хмара розыйдется —
И дожчу не буде;
Мы зъ тобою розыйдемось —
Коханья не буде!

Ой у полѣ конопельки,
Верхи зелененьки;
Покидае милый милу,
Вороги раденьки.

Не тѣштеся вороженьки,
Не тѣштеся зъ того:
Коли буде Божа воля,
То буду я ёго!...

Летить пѣвень на сѣдало,
Каже: *кукурѣку!*
Зоставайся, моя мила;
Здорова до вѣку!

XXXV.

Болить моя головонька
Вôдъ самого чола;
Не бачила миленького
Сёгодня и вчора.

Ой бачится не журюся;
Въ тугу не вдаюся:
А якъ выйду за ворота —
Одъ вѣтру валюся.

Ой бачится, що не плачу —
Сами слёзы льются;
Одъ милого нема людей,
Одъ нелюба шлются.

Нема-жъ мого миленького,
Нема мого сонця:
Нѣ съ кѣмъ минѣ розмовляти,
Сидя у вôко́нця!

Нема-жъ мого миленького,
Що карыи очû:
Нѣ съ кѣмъ минѣ розмовляти
Въ темненькіи ночû!

Зелене́нькій барвûночку,
Стелися низенько;
А ты милый, чорнобривый,
Присунься близенько!

Зелененькій барвûночку.
Стелися ще ни́зче;
А ты милый, чорнобривый—
Присунься ще близче!

Нема мого миленького,
Нема ёго тута!
Позходила по слѣдо́нькамъ
Шевлѣя и рута.

Я шевлѣю пересѣю,
Руту пересажу;
Таки свого миленького
Къ собѣ перена́жу!

Я шевлѣю пересѣю,
Руту пересмычу;
А до себе миленького
Такй перекличу!

Да вже-жъ минѣ не ходити,
Куды я ходила;
Да вже-жъ минѣ не любити,
Кого я любила!

Да вже-жъ минѣ не ходити
Ра́нкомъ по-пôдъ за́мкомъ;
Да вже-жъ минѣ не стояти
Изъ моимъ коханкомъ!

Да вже-жъ минѣ не ходити
Въ лѣски по орѣшки;
Да вже-жъ минѣ мину́лися
Дѣвóцькіи смѣшки!

Шкода́-жъ моёй уро́донцѣ
Высокого росту !
Прійшлось минѣ утопиться
Зъ высокого мосту !

XXXVII.

Пôдъ горою крыни́ченька ,
Тамъ жерело бье ;
Тамъ молодый козаченько
Зъ не́и воду пье.
Чомъ ты мене , моя мати ,
Рано не збудила,
Ой якъ тая компанія
Зъ села выходила ? —
Тѣмъ я тебе, моя до́ню ,
Рано не збудила ,
Що твôй милый впередъ ишовъ ,
Що-бъ ты не тужила.—
Ой ты кажешъ, моя мати ,
Що я не журюся :
А якъ выйду на у́лоньку —
Одъ вѣтру валюся.

Ой ты кажешъ, моя мати,
Що я да не плачу:
За дрôбными слêзонькамы
Я свѣта не бачу.
Ой ты кажешъ, моя мати,
Що я не хорóша;
А я, мати, такъ хорóша
Якъ пóзная рожа.
Ой ты кажешъ, моя мати,
Що я не вродлúва;
А я, мати, такъ вродлива
Якъ въ лузѣ калина.
Купи мати, купи мати
За копѣйку гóлку,
За чотырê золотыи
Червоного шовку! —
А вже тая въ свѣтѣ слава
Давно зъ Крыму стала,
Що дѣвчина козаковû
Вышила рукава.

XXXVIII.

Шли коровы изъ дубровы,
А овечки зъ поля;
Выплакала кары очî,
Крâй козака стоя.
Куды ѣдешъ, одъѣзжаешъ,
Сизокрылый орле!
А хто-жъ мене молодую
Безъ тебе пригорне!
»Пригортайся, дѣвчинонько,
»Къ зеленому дубу:
»Я до тебе, мое серце,
»У вечорѣ буду.«
Вечеръ стою, свѣтомъ нужу —
Тебе не видати!
Доведется ледачому
Всю правду сказати.
Нема въ саду соловейка —
Нема щебетанья;
Нема мого миленького —
Не бере гулянье.

А якъ въ саду соловейко
Щебече ранéнько:
Ой якъ же мôй милесенькій
Гулять веселенько!
Ой поросла по слѣдочкамъ
Шевлéя и рута:
Нема мого миленького
Ни дома, ни тута!
Я шевлѣю перевѣю,
А руты не буду:
Розсердився вражій сыну,
Просити не буду!
На шевлѣю воду ношу,
На руту не буду:
Розсердився мôй миленькій,
Просити не буду.
Нехай ёго тыи просять
Що перстéнû носять;
Нехай ёго тыи люблять
Що въ болотѣ трублять.

Ой выйду я за ворота —
Нема срѣбра — злота!
Тôлько стойть нескреба,
Що минѣ не треба!

XXXIX.

Ой ишла не берегомъ — лугомъ;
Зустрѣлася не зъ суженымъ другомъ.
Здоровъ, здоровъ темный луже,
Не суженый — вѣрный друже,
Не сужена дружина моя!

Не сама я по садоньку хожу;
Миленького за ручку вожу,
Всѣ ягодки оборвала,
Миленького годовáла,
Я казала, що мôй буде!

Черезъ гору орелъ воду нóситъ,
Дѣвчинонька козаченька проситъ:
Козаченьку, мôй собóлю!
Возьми мене изъ собою,
Помандрую я зъ тобою!

Дѣвчинонько, сухѣтонько моя!
Кажуть люди: не будешъ ты моя!
Кажуть люди—я й самъ бачу,
Я по тобѣ тяжко плачу,
По тобѣ, дружино моя!

Куды ѣдешъ, одъѣзжаешъ?
На що мене покидаешъ,
Жалю серцю завдаваешъ,
И твоему и моему?...

XL.

Да чи я въ лузѣ не калина,
Да чи я въ лузѣ не червона!
На що мене поламано,
И въ пучечки повязано!
Нещастье мое!
Недоля моя!
Да чи я въ батька не дитина,
Да чи я въ батька не кохана!

На що-жъ мене засватано,
И свѣтъ минѣ завязано!
Нещастье мое!
Недоля моя!
Ой якъ выйду за ворота,
Сама сяду якъ сирота:
Усѣ дѣвки въ танка грають,
Мене къ собѣ не прiймають.
Нещастье мое!
Недоля моя!
Ой пôйду я до Дунаю,
Сама собѣ подумаю:
Щука рыба въ морѣ грае,
И та собѣ пару мае!
Нещастье мое!
Недоля моя!
Ой пôйду я въ глыбокû яры,
Чи не зъѣдять мене люпыи звѣрâ:
Звѣрье́ грае, звѣрье́ грае—
Воно́ мене не займае!
Нещастье мое!
Недоля моя!

Чи не було рѣченьки—утопиться,
Чи не було красчого—полюбиться:
Були рѣчки—позтѣкали,
Були красчи—позъѣзжали!
Нещастье мое!
Недоля моя!

XLI.

По улицѣ хожу, и не нахожуся;
Дивлюсь: де родина, и не надивлюся!
Ой повѣй вѣтроньку да на мою свѣтлоньку
Зъ того краю, де родину маю!
И вѣтеръ не вѣе, сонечко не грѣе,
Только въ степу трава зеленѣе!—
Якъ пріѣхавъ милый до милои въ гости,
А въ милои хата на помостѣ.
Узявъ милу пôдъ бѣлыи боки,
Да й укинувъ у Дунай глыбокій:
Плыви, плыви мила тихо за водою,
Бо не буде намъ житья зъ тобою!

Ой выплыла мила на жовтый пѣсочокъ,
Промовляла — стиха голосочокъ —
Чи я-жъ не хороша, чи я не вродлива?
Тôлько доля моя нещастлива! . . .

XLII.

Ой ты ковалю, коваленьку,
Чомъ ты не куешъ рано пораненьку,
Чомъ ты челядоньки жалѣешъ,
Чомъ ты залѣза да не грѣешъ? . . .
Ковалева дочка Катерина
Вона собѣ сына породила,
Въ глыбокôмъ колодязѣ потопила,
За ворота выходила,
Зъ буйнымъ вѣтромъ говорила:
»Да не вѣй вѣтре да тихенькій,
»Да повѣй вѣтре да буйненькій!
»Да нажени хмарку чорнесеньку,
»Да зпусти дожчикъ дрôбнесенькій!
»Да залый стежки и дорожки,

»Що-бъ туды люди не ходили,
»Зъ колодязя воды не носили,
»Що бъ мого сына не ворушили,
»Що-бъ мого серця не сушили!

XLIII.

Ой горе-жъ минѣ, горе! нещастная доля!
Выорала вдовонька мыслоньками поле;
Чорными оченьками заволочила,
Дрôбными слёзоньками все поле змочила.
Наѣхали козаки до Марусû въ гостû:
Марусенько, панû! чи є твôй панъ дома?
Коли-жъ нема пана, выйди до насъ сама!
Марусенька не пôзнала, въ черевичкахъ
выйшла.
Есте вы козáки, есте Гайдамаки! —
Марусенько, панû! по чôмъ ты познала?
По чôмъ ты познала, правдоньку сказала?
По тôмъ я познала, правдоньку сказала,
Що я свого пана коника познала. —
Марусенько, панû! не правдоньку-жъ ты
кажешъ:

Мы того коника въ твого пана купили,
Въ зеленôй дубровѣ грошû полѣчили,
Въ холоднôй крыницѣ могорычъ запили,
Пôдъ гнилу колоду пана пôдкопили.

XLIV.

Ой не жаль минѣ да такъ нû на кого,
Якъ жаль минѣ на батенька свого:
Оддавъ мене за розбойника.
Розбойничокъ—лихій чоловѣчокъ:
Якъ вечорѣе—коня наповае,
А якъ смеркае—коника сѣдлае,
О пôвночû—людей розбивае.—
Розбивъ-же вôнъ да того купця,
Да того купця—жôнчиного отця,
Жôнчиного отця—жôнчину й матêръ.
До двора пôдъѣзжае—самъ приговорюе:
Одчиняй, мила, новыи вороты!
Ой чи рада, мила, ты злоту и срêблу?
А ще чи раднѣйша моему здоровью?—

Ой пôзнала мила вороныи конû;
А ще пôзнавай новую колясу.
Ой пôзнала мила й новую колясу:
Ой се-жъ коляса батенька мого,
Вороныи конû матêнки моеи!
Ой не рада, милый, ни злоту, ни срêблу;
А ще не раднѣйша твоему здоровью! —
Слуги мои, слуги молодыи,
Да везûть-же вы милую у поле,
Выкопайте на милу глыбоку могилу,
Заховайте милу въ глыбоку могилу:
    На батьковû зелена ялина,
    На матерû червона калина,
    Поставте на милу червону рябину! —

Постревай милый, я пѣсеньку змовлю:
О рада-жъ я милый злоту и срêблу
А ще я раднѣйша твоему здоровью!...

Слуги мои, слуги молодыи!
Затопûть-же вы новую лазню,
Да поставте три горшки окропу!

XLV.

Да пила, пила Лемериха на меду;
Да пропила свою дочку молоду. —
У недѣлоньку да ранесенько до сонця
Ой-плакала Лемерôвна у вôконця.
»Ой загину, моя матѣнко, загину:
»Я-жъ не люблю Шкандыбенка — покину! —
Коли любишъ, моя донечко—вѣнчайся;
А не любишъ, дитя мое—цурайся.—
Ой якъ пôшла тая Лемерôвна горою,
А за нею Шкандыбенко другою. —
Ой чого-жъ ты да Лемерôвно пѣшки йдешъ,
Де-сь у тебе вороныхъ коней немаешъ?
»Ой хочъ же есть вороныи конû, то твои;
»Да и самъ, молодый, не до мыслоньки ты минѣ.«
Ой чого-жъ ты да Лемерôвно боса йдешъ,
Де-сь у тебе черевикôвъ немаешъ?

»Ой хочъ-же есть да и тыи черевики,
што твои;
»Да и самъ, молодый, не до смыслоньки
ты минѣ.«
Ой чого ты да Лемеро̂вно въ свитѣ йдешъ;
Де-сь у тебе да жупано̂въ немаешъ? —
»Ой хочъ-жъ есть тѣ жупаны, што твои;
»Да и самъ, молодый, не до мыслоньки
ты минѣ!«

Ой якъ узявъ тую Лемеро̂вну на коня,
Да якъ повёзъ тую Лемеро̂вну по тер-
нахъ.
»Ой дай минѣ, Шкандыбенку, острый
но̂жъ;
»Повыймаю чорный теренъ зъ бѣлыхъ
но̂гъ!»
Не влучила да Лемеро̂вна въ но̂женьку,
Да влучила Лемеро̂вна въ серденько.
»Кипи, кипи мое серденько на ножѣ,
»Нѐжъ у того Шкандыбенка на дворѣ!...«
Ой якъ везе тую Лемеро̂вну до двора:
Ой одчиняй, моя матѐнко, ворота;

Я везу тобѣ невѣсточку пьяненьку!...—
Ой одъ чого, мôй сыночку, впилася?
Ой одъ чого, дитя мое, впилася? —
Упилася, моя матêнко, одъ коня;
А заснула, моя матêнко, одъ ножа! —
Ой не вези, мôй сыночку, ее̂ въ дворъ;
Да вези ее̂, мôй сыночку, до тещû.—
Ой одчиняй, моя тещенько, вороты:
Я везу тобѣ дочку твою пьяненьку!—
Ой одъ чого, мôй зятеньку, впилася;
Ой одъ чого, дитя мое, впилася? —
Упилася, моя тещенько, одъ коня;
А заснула, моя тещенько, одъ ножа!...

XLVI.

Въ мѣстѣ Немировѣ дѣвокъ танóкъ хóдить;
Молодая Бондарôвна всѣхъ пéредомъ водить.

Ой пріѣхавъ Панъ Канёвській зъ великого двору;
Ой злѣзъ зъ коня, поцѣловавъ Бондарôвну дѣвку.
Говорили стары люди, говорили стиха:
Втêкай, втêкай Бондарôвне—буде тобѣ лихо! —
Утêкала Бондарôвна да по-межъ дворами,
А за нею да гайдуки зъ голыми шаблями.
Ой поймали Бондарôвну за бѣлую руку;
Ой повели Бондарôвну на велику муку.
Посадили Бондарôвну на тесовôмъ столѣ;
Казавъ дати Бондарôвнѣ и хлѣба и солû.
Чи ты хочешъ Бондарôвно меду, вина пити;
Чи ты хочешъ Бондарôвно въ сырой землѣ гнити?
Не хôчу я, Панъ Канёвскій, меду, вина пити:
Лучче-жъ минѣ бездôльнои въ сырой землѣ гнити.

Якъ ударивъ Панъ Канёвській изъ тугого
лука,
Учинилась Бондаровна нѣмая и глуха.
Ой лежала Бондаровна зъ вечора до ранку,
Поки сказавъ Панъ Канёвській : выкопали
ямку.
Ой сказавъ же Панъ Канёвській: музыки
позвали;
Молодои Бондаровнѣ до гробу заграли.
У нашои Бондаровны смоляныи лавки:
Тамъ ѣдали, тамъ пивали препышныи
панки.
Ой у тои Бондаровны въ долинѣ ме-
режка :
Куды несли Бондаровну—кровавая стежка.

XLVII.

За Неменъ иду,
Гей! коню мой, коню
Заграй подо мною!
Дѣвчино, прощай!

За Немень идéшъ ты, мене покидáешъ:
Чогó-жъ тамъ, мôй милый, чогó тамъ бажáешъ?
Хибá-жъ тобѣ́ крáсче чужа сторона, —
Своéи милѣйше, роднѣйше вона́?
Иду я туды
Де рóблять на диво
Червóнее пиво
Зъ кровû супостáтъ.
Хибá-жъ ты заду́мавъ тѣмъ пивомъ упиться?
Чи вжé-жъ ты зо мною зхотѣвъ розлучи́ться?
Тобѣ́ мои слёзы, тобѣ́ моя кровъ. . . .
Да тôльки не ки́дай за вѣрну любовъ!
Дѣвчи́но не плачъ,
Не рви могó серця!
Якъ пиръ той минéтся —
Вернусь я назадъ!
И вжé тобѣ, милый, назадъ не вертаться!
Тамъ тобѣ, сéрденько, навѣ́къ зоставаться!

Дивúсь: пôдъ тобою и кôнь що-сь поникъ. . .
У полѣ червóнôмъ заснешъ ты навѣкъ!
Якъ воронъ до тéбе
Въ óконце закря́че:
Зъ-за мóря прискаче
Козá́ченько твôй! . . .
Якъ я́воръ зелену голóвоньку склóнить,
Зозу́ля куку́кне, диброва застоне́,
И кôнь пôдъ тобою спôткнется, вздыхне́! . . .
Тодѣ́ вже не буде на свѣтѣ мене́!

XLVIII.

Ѣхавъ козакъ за Дунай,
Сказавъ: дѣвчино, прощай!
Ты, конику воронéнькій,
Несú да гуляй.

Постôй, постôй, козаче!
Твоя дѣвчина плаче;
Съ кѣмъ ты мене покидаешъ—
Тôльки подумай!

Бѣлыхъ ручокъ не ламай ,
Ясныхъ бчокъ не зтирай :
Мене зъ войны со славою
Къ собѣ дожидай.

Не хочу я нічого ,
Тôльки тебе одного ;
Ты будь здоровъ, мôй миленькій—
А все пропадай !

Свиснувъ козакъ на коня :
Зоставайся , молода ! —
Я приѣду , якъ не згину ,
Черезъ три года. . .

КНИГА ТРЕТЬЯ.

XLIX.

Сонце низе́нько, вечоръ близе́нько:
Выйди до мене, мое серде́нько!
Ой выйди, выйди, да не барися:
Мое серденько розвеселится.
Черезъ рѣченьку, черезъ болото
Подай рученьку, мое золото!
Черезъ рѣченьку черезъ быстру́ю
Подай рученьку, подай другую!
Подай рученьку, подай и другу—
Я къ тобѣ́, серденько, и самъ прибуду.
Ой тамъ крыни́ця пôдъ перелазомъ:
Выйдемо, серде́нько, обо́е разомъ.
Ой выйди, выйди, серденько Га́лю!
Се́рденько, ры́бонько, дорогій кришталю!

Ой выйди, выйди, не бôйсь морозу:
Я твои нôженьки въ шапоньку вложу.
Ой бѣда, бѣда, що я не вдався:
Бѣгъ черезъ рѣченьку, да не вмывався.
Ой завернуся да й умыюся,
На свою милую хочъ подивлюся.
»Ой не вертайся, да й не вмывайся:
»Ты-жъ минѣ серденько й такъ сподо-
бався!

L.

Дѣвчино, кохана, здорова була!
Чи ще-жъ ты на мéне да не забула?
Прïѣхавъ до тебе—Богъ тебе знае:
Чи твое серденько мене кохае?—
Козаче, коханый, чого пытаешъ?
Хиба-жъ ты да мене ищé не знаешъ?
Скорѣйше, козаче, въ могилѣ буду,
Нêжъ тебе серденько да позабуду!—
Спасибô, дѣвчино, за добре слово;
А може ты любишъ кого другого?
Коли правдива мовонька твоя,
Такъ будешъ серденько навѣкъ ты моя.

Ты добре то знаешъ, що я сирота,
Не маю я срêбла, не маю злота;
Опричь любовû, що къ тобѣ маю,
Я всѣмъ убога—того не таю! —
Не треба мнѣ злота—я й самъ придбаю,
А треба дѣвчины, що я кохаю!
Ходи́мо до церкви, звяжи́мо руки,
Хай въ насъ не буде на серцѣ муки!

LI.

Ой ты дѣвчи́но, горда да пышна!
Чомў ты до ме́не зъ вечора не вышла?
»Ой якъ я буду до тебе ходити,
»А якъ же будуть вороги судити!« —
Ой нехай судять, якъ воны́ знають;
Прійде тая годи́нонька — воны переста-
нуть.
Ой нехай судять якъ розумѣють:
Прійде тая годинонька, воны понѣмѣють.

Ой нехай судяпь, да на свое лихо;
Мы зъ тобою, серце мое, любимося
тихо!

Росла калина, близько озе́ра:
Чому, моя мила, смутна, не весела?
»Ой якъ же минѣ веселою бути?
»Полюбила миленького, не могу забути!
Ой ты дѣвчино, моя заморо́ка!
Не стели, серденько, постѣльку широко;
По́стели, серденько, постельку узенько:
А сама присунься къ серденьку близенько!
Ой ты, дѣвчино, думаешъ, гадаешъ:
Сама ты не знаешъ, кого ты кохаешъ.
»Якъ я не знаю, кого я кохаю!
»То̂льки не знаю, съ кѣмъ я жити
маю...»

LII.

Ой ты дѣвчино, горда да пышна,
Чомъ ты до мене звечора не вышла?
«Ой! якъ я маю до тебе ходити:
»Кругомъ живуть воро́женьки, бу-
дуть насъ судити.«

Ой ! нехай судять, воны волю мають ;
Прійде пора, годинонька — воны понѣмѣють.
»Пока понѣмѣють, а славы убавлять,
»Навѣкъ мене молодую плакати заставлять.«
Ой ты дѣвчино, червоно калино,
Якъ же минѣ да на тебе дивитися мило!
Ой ты дѣвчино, повная роже!
Якъ же минѣ да на тебе дивитися гоже!
Якъ щуцѣ рыбѣ да безъ воды трудно,
Такъ минѣ дѣвчинонько да безъ тебе нудно.
Якъ щуцѣ рыбѣ да безъ воды тяжко,
Такъ и минѣ, сердце мое, да безъ тебе важко!
»И я тебе люблю, всякъ про тее знае:
»Карай Боже ворόженька, що насъ розлучае!«

LIII.

Ой у броду, броду
Пили голубû воду;
Воны пыли, полынули,
Крылечками зпрепенули,
Про любощû зпомьянули:
Якъ зъ тобою женихались —
Сухи дубы розвивались;
А теперя перестали —
Однолѣтки сухи спали! —
Ты, козаче заволока!
Любишъ мене ты нарокомъ;
Напускаешъ туманъ густый,
Хочешъ мене зъ ума звести:
Не поможе, милый Боже!
Не зведешъ мене, небоже! . . .
—Есть у мене грошей много,
Изведу тебе, небого!
Мои грошû не полова
И дѣвчина чорноброва;
Мои грошû не метлиця
И дѣвчина бѣлолиця.

Запрягайте коня въ санки,
Поѣдемо до коханки!
Пріѣзжаемъ икъ воротямъ —
Стоитъ мила красче злота:
Сама дѣвка милéсенька,
На личенько бѣлесенька;
Сорóчечка тонесенька,
И стёжечка краснесенька, —
А ще къ тому й уродлúва,
Хорошая, чорнобрива.

LIV.

Цыганочка да волóшечка
Шатеръ будовала;
Дѣвчиночка до цыганочки
Дорожку топтала.

Цыганочка да волошечка!
Вволи мою волю:
Ой зроби такъ да козаченьку,
Що-бъ ходивъ за мною!

Цыганочка да волошечка
Вóленьку вволила:
Одрѣзала русу косу
Да й перепалила.

Цыганочка да волошечка
Воленьку вволила:
Изпаливши русу косу,
Козака поила.

»Чого вода да така рудá,
»Чи фúленька збила?
»Чого дѣвка да така смутна,
»Чи мати побила? «

Ой хоть била, хоть не била,
А ще буде бити:
Прійди, прійди, вражій сыну,
Хоть оборонити!

Ой ты лýже, не шуми дуже,
Зеленый байраче!
Не зводь зъ ума да дѣвчиноньки,
Молодый козаче! —

Буду шумѣть, буду густи,
Заќоль розовьюся!
Буду дѣвку зъ ума зводи́ть,
Заќоль оженюся!

LV.

Зашумѣли густы лозы,
Козаковѝ при дорозѣ;
Сюда блу́дить, туда блудить,
Пôдъ собою коня ну́дить.
Приблудився ажъ до гаю,
До широкаго Лиману;
Ставъ конейька напувати,
Ставъ плакати и рыдати—
Стала зозу́ля ковати...
»Зозуленько, моя не́нько!
»Заку́й минѣ жалôбненько,
»Якъ у саду́ соловейко,
»Соловейко малесенькій!
»Скажи минѣ сю дорогу—
»Куды ѣхати до роду,

»Ой до роду, до родины,
»До вѣрненькои дружины? . . .
«Выкличь минѣ дѣвку зъ хаты,
»Що-сь я маю ёй сказати:
»Чи не била еѐ мати? . . . «
Била-жъ еѐ матусенька,
За козака Андру́сенька;
Що-бъ зъ козакомъ не стояла,
Ему вѣры не доймала.
А въ козака стôльки вѣры,
Якъ на синѐмъ морѣ пѣны;
А въ дѣвчины стôльки ласки,
Якъ на синѐмъ морѣ ряски.

LVI.

Пусти мене, мати,
Въ поле жита жати!
Буду, мати, жито жати,
До́леньки шука́ти.
Ой не пущу до́ню,
Що-бъ не заблудила:
Бо ты, доню, свою долю
Навѣкъ загубила.

Пусти мене, мати,
У лугъ погуляти!
Буду гулять да гуляти,
Доленьки шукати. —
Ой не пущу, доню,
Що-бъ не заблудила;
Бо ты, доню, свою долю
Навѣкъ загубила! —
Пусти мене, мати,
У ставъ покупаться!
Буду плавати, нырятии,
Доленьки шукати. —
Ой не пущу, доню,
Що-бъ не потонула,
Да вже-жъ, доню, твоя доля
На дно потонула! —
Ой за мостомъ, мостомъ
Трава зеленѣе;
За хорошимъ чоловѣкомъ
Жôнка молодѣе.

Ой за мостомъ, мостомъ
Трава посыхае;
За ледачимъ чоловѣкомъ
Жônка погибае.

LVII.

Ой знати, знати, въ кого есть дочки:
Топтаны стежечки пôдъ оконечки.
Ой знати, знати, хто любить Руську:
Топтаны стежечки черезъ петрушку.
Ой знати, знати, хто любить Польку:
Топтаны стежечки черезъ фасольку.
Ой знати, знати, хто кого любить:
Той къ тому стежечку якъ ножемъ ру-
бить.
Ой знати, знати, хто кого любить:
Сѣдае далеко—серденькомъ нудить.
Ой знати, знати, хто зъ кого кпится:
Близенько сѣдае—чортомъ дивится.
Ой знати, знати, хто оженився:
Зкôрчився, зморщився, всѣмъ зажурився.
Ой знати, знати, хто не женатый:
Личенько бѣленьке якъ у паняты.

Да бѣда-жъ, бѣда й не женатому,
Якъ тому горщичку да щербатому:
Кипить, зкипае, да все стлывае,
Де ни повернется — добра не мае.
Самъ я не знаю, чомъ не женюся:
Пойду въ рѣченьку да й утоплюся.
»Охъ не топися, душу загубишъ!
«Ходимо вѣнчаться, коли ты любишъ!...«

LVIII.

Голубъ сизый, голубъ сизый—
Голубка сизѣйша;
Батько милый, мати мила—
Дружина милѣйша.
Зъ батькомъ, зъ матерью зойдуся—
Грѣха наберуся;
А зъ дружиною зойдуся—
Не наговорюся
Два голуба воду пили,
А два колотили;
Бо-дай же тѣмъ тяжко-важко,
Що насъ розлучили!—

Розлучили рыбалочки
Рыбоньку зъ водою;
Розлучили лихи люди
Милого зо мною.
Ой якъ тяжко той рыбонцѣ
Противъ воды плысти;
А ще тяжче кохавшися
Не мати корысти!
Ой якъ тяжко былиноньцѣ,
Коли вѣтеръ вѣе;
А ще тяжче безъ милого,
Бо серденько млѣе! —
А де-жъ тая крыниченька,
Що голубка пила;
Ой де-жъ тая дѣвчинонька,
Що мене любила?
А де-жъ тая крыниченька,
Що голубъ купався;
Ой де-жъ тая дѣвчинонька,
Що я женихався?
А вже-жъ тая крыниченька
Гатомъ загачена;

А вже-жъ тая дѣвчинонька
Зъ иншимъ заручена.
А вже-жъ тая крыниченька
Травою заросла;
А вже-жъ тая дѣвчинонька
Давно за мужъ пойшла.

LIX.

Туманъ яромъ, туманъ яромъ,
Туманъ и горою;
Снѣжокъ выпавъ бѣлесенькій
Да й взявся водою.

Не по правдѣ, козаченьку,
Живешъ ты зо мною:
Ой я къ тобѣ зъ щирымъ серцемъ,
А ты зъ неправдою!

Ой пій, мати, тую воду,
Що я наносила!
Зови, мати, того зятемъ,
Що я полюбила!

Не хо̀чу я воды пити —
Стану проливати!
Не любого зятя маю —
Буду проклинати! . . .

LX.

Гнется, гнется калинонька —
Де-сь тамъ моя дѣвчинонька!
Вона гнется, погинае —
Де-сь тамъ мене поминае!
Ой нема́ тамъ нїгде́ добра́,
Де дѣвчина лю́бить по два;
Ой немае и не буде,
Поки по двохъ любйть буде! —
А я тее повѣдаю,
Що я того не слухаю:
Умру, умру, не забуду —
Таки по двохъ любйть буду!

LXI.

Якъ бы минѣ зранку —
Горѣлочки шклянку,
И тютюнъ да люльку,
Дѣвчину Ганнульку!...
Горѣлочку-бъ пивъ, пивъ —
И люлечку-бъ я куривъ —
И дѣвчину Ганнулечку
До серденька-бъ все туливъ!...

LXII.

Изъ за горы, вѣтеръ вѣе,
Жито половѣе;
На козака худа слава,
Що робить не вмѣе.

А робити—не прибити,
А жать — не нагнется;
До дѣвчины-жъ що вечора
Зъ старостами шлется.

Ой хоть шлися, хоть не шлися,
А пôйди наймися,
Да зароби́ пару коней,
Да пару жупанôвъ!

Тодѣ сядешъ крâй чорныхъ брôвъ,
Крâй шитыхъ рукавôвъ:
Шиты, шиты рукавчата,
А станы́ — глыбоки!

LXIII.

Ой чіи-жъ то волы по горѣ ходили?
То-жъ того козака, що три дѣвки любили. —
Перша любила — якъ сестра родима;
Друга любила — гостинчики слала,
А третя любила — да й причаровала. —
Летѣла зозуля черезъ садъ, куючи;
Плаче козаченько одъ дѣвчины йдучи.
Ой прійшовъ товарищъ, да й зове косити.
»Не здужаю, брате, по свѣту ходити!«

Якъ зачула мати, сидючи въ комнатѣ:
Треба-жъ тобѣ, сынку, да людей пытати.
»Ой не треба, мати, людей турбовати;
»Треба минѣ, мати, попа призывати!«

LXIV.

Ой чій-же то двôръ?
Приточи́въ-бы свôй!
Хорóшая дѣвчинонька,
Я ходивъ-бы къ ѐй.
Коли́-бъ не боявся,
То-бъ поженихався;
А то лихо, що боюсь —
Издалéка подивлюсь!
Коли-бъ була ты моя,
Чого-бъ хотѣть въ свѣтѣ!
Сéрце, лю́бко ты моя!
Ну́мо жити вмѣстѣ!

LXV.

Розвивайся, сухій дубе,
На чотырê листы!
У козака три дѣвчины—
Немае корысти̂.

Одна пôйшла въ вôсêнь замужъ,
Друга у мьясници̂;
А зъ третёю женихався—
Та иде въ черници̂.

Пôшла-жъ бы я у черници̂,
Да, Боже мôй милый!
Остается у Локоткахъ
Козакъ чорнобривый.

Ой сёгодня у Локоткахъ,
А завтра у Клышки:
Подарую миленькому
На застёжку строчки.

Носи-жъ ты и̂хъ, мôй миленькій,
Да не выхваляйся;
Якъ не будешъ выхвалятьбся,
Не змогу розстаться.

Носи-жъ ты ихъ, мôй миленькій,
Да не выхваляйся;
Бо якъ станешъ выхвалятъся,
Годѣ зо мной знаться!

Носивъ, носивъ козаченько
Да й ставъ выхвалятъся;
Да вже-жъ ёму зъ дѣвчиною
По вѣкъ не видаться.

LXVI.

Не ходи, Грицю, на вечерницû;
На вечерницяхъ дѣвки чарôвницû! 2.
Одна дѣвчина чорнобривая,
То чарôвниця справедливая. 2.
Въ недѣлю рано зѣлье копала;
А въ понедѣлокъ пополоскала. 2.
Прійшовъ вôвторокъ зѣлье зварила,
Въ середу рано Гриця отруила. 2.
Прійшовъ же четверъ Гриценько умеръ;
Прійшла пятниця поховали Гриця. 2.

Въ суботу рано мати дочку била:
На що ты, суко, Грицятоструила? 2.
Ой мати, мати! жалю немае:
Нехай-же Гриценько двохъ не кохае. 2.
Нехай не буде ни той, ни минѣ;
Нехай достанется сырой землѣ! 2.
От-се тобѣ, Грицю, я такъ зробила,
Що черезъ тебе мене мати била. 2.
От-се тобѣ, Грицю, такая заплата:
Зъ чотырêхъ дощокъ темная хата! 2.

LXVII.

Сидить соколъ на тополѣ,
Спѣва́ пѣсню по неволѣ.
Ой о́рлоньку, соколоньку!
Не журь мою головоньку!
Бо я сама зжурилася,
Що одъ роду одбилася, —
Ой одъ роду, одъ родины,
Одъ вѣрненькои дружины.
Чини, Боже! мою волю:
Зоставъ мене да вдовою!

Нехай, нехай погуляю,
Якъ та рыба по Дунаю!
Якъ та рыба зъ окунцями —
Я молода зъ молодцями;
Якъ та рыба зъ плотицями —
Я молода зъ молодицями.

LXVIII.

Ой мѣсяцю, мѣсяченьку!
Зайди за комору:
Нехай зъ своимъ милесенькимъ
Трошки поговорю:
Ой мѣсяцю, мѣсяченьку!
Свѣти, не ховайся!
Хоть поѣдешъ, мôй миленькій —
Хутко повертайся! —
Ой мѣсяцю, мѣсяченьку!
И ты, зоря ясна!
Ой свѣтîть тамъ на подворю,
Де дѣвчина красна! . . .

Стала слава, стала слава,
Стали й поговоры,
Да на тую дѣвчиноньку,
Що чорныи бровы.
Ой зацвѣла макôвочка,
Зачала бринѣти;
Иде козакъ одъ дѣвчины,
Починае днѣти.
Ой зацвѣла макôвочка
Бѣлесенькимъ цвѣтомъ;
Иде козакъ одъ дѣвчины
Бѣлесенькимъ свѣтомъ.

LXIX.

Чи ты гордый, чи ты пышный,
Чи гордо несешся?
Чи ты вѣрно мене любишъ,
Чи зъ мене смѣешся? —
Я не гордый, я не пышный,
Гордо не несуся;
Ой я тебе вѣрно люблю,
Зъ тебе не смѣюся! —

Ой чи прійдешъ, козаченьку,
Зъ вечора до мене?
Кажуть люди, що приходить
Другая до тебе. —
Нехай ходить, нехай ходить,
Абы не ледащо;
Ой хоть буду я терпѣти;
Да знатиму за що!
Ой де-сь бы то, дѣвчинонько,
Ты съ папѣру звита,
Що ты мене додержала
До бѣлого свѣту! —
Ой зъ папѣру, не зъ папѣру —
Зъ кучерявой мяты;
Де стояла, розмовляла —
Пôдковочки знати!

LXX.

Переходомъ въ чистôмъ полѣ
Зацвѣли волошки;
Полюбивъ тебе дѣвчино,
Що румяна трошки.

Гей, перестень ты до мене
Козаче ходити!
Гей перестань молодую
Зъ розуму зводити!—
Якъ я маю перестати,
Коли люблю тебе!
Пусти мене, мое серце,
Да пусти до тебе!
Буду ходить, дѣвчинонько,
Поки не достану
Твого лиця румьяного,
Хорошого стану!—
Ой якъ минѣ пустить тебе—
Мтаи ключѝ мае,
Сама дверѝ дубовыи
Замкóмъ замыкае!—
Вкрала ключѝ дѣвчинонька,
Мтаи не почула,
Вона-жъ свого миленького
До себе кликнула.

LXXI.

Пріѣхали три козáки, да всѣ три однаки;
Пытаются Марусеньки, у которôй хатѣ?
Одинъ стойть пôдъ оконцемъ, другíй коня вяже,
Третій стоить пôдъ дверима: добри-вечеръ! каже.
Добри - вечеръ, стара мати! дай воды напиться;
Пусти дочку на улицю, ой хоть подивиться! —
Стоить вода у кубочку, коли хочь—напійся!
Сидить дочка край оконця, коли хочь дивися! —
Непогожа въ ставу вода—пôйду до крыницû;
Не звычайна дочка твоя — пôйду до вдовицû.
У вдовицû двѣ свѣтлицû, а третя комната;

А въ дѣвчины одна хата, да й та не прибрата.
У вдовицû двѣ свѣтлицû, гарны вечерницû;
Стоять чарû, заправляны въ горшку на полицѣ.

LXXII.

А хто по улицѣ ходить, а хто й свище?
Товарищъ товарища на вечерницû кличе.
Ходûмо мы, пане брате, ходûмо!
До одной дѣвчиноньки на вечорницû ходûмо! —
Ой якъ мы будемъ до одной ходити;
Наймûмо собѣ тесника домовину зробити!
Ой одному буде домовина новая,
А другому буде дѣвка молодая! —
Поповинъ каже: то моя дѣвка буде;
А вдовинъ каже — хиба мене не буде!
Ой поповинъ ставъ на высокôй могилѣ,
А вдовинъ ставъ на глыбокôй долинѣ:

Поповинъ стрельнувъ—долину перестреливъ,
А вдовинъ стрельнувъ — въ саме серце влучивъ.
То́ тобѣ, поповичу! тая дѣвка —
Въ твоѐмъ серцѣ калинова стрѣлка! —
Ой, вдовинъ сыну! дарую тую дѣвку,
Выйми зъ серденька калиновую стрѣлку!
Ой якъ тяжко камѐнь подыймати,
Тяжче калинову стрѣлку выймати!

LXXIII.

Чи се тая крыни́ченька, що я воду пивъ?
Чи се тая дѣвчинонька, що люблю й любивъ?
Ой жаль минѣ буде,
Во́зьмуть еѐ люде,
Недоля моя!
Чи се-жъ тая крыни́ченька, що голубъ купався?
Чи се тая дѣвчинонька, що я женихався?

Ой се-жъ тая крыниченька, и ключъ, и вѣдро;
А вже мене дѣвчинонька забула давно!
Засыпалась крыни́ченька золотымъ пѣскомъ,
Злюбилася дѣвчинонька зъ другимъ козакомъ.
Да вже-жъ до той крыни́ченьки стежки заросли;
Да вже-жъ мою дѣвчиноньку сва́тати прійшли.
Шумять вербы, що надъ тою крыницей ростуть;
Да вже-жъ мою дѣвчиноньку до церкви ведуть!
Одинъ веде за ручѐньку, другій за рукавъ:
Третій стоить, серце болить: любивъ да не взявъ!

LXXIV.

Тече́ рѣчка не величка, поставлю я ятеръ;
А хто мене не полю́бить—трясця ёго матѣръ!

Тече рѣчка не величка, зхочу перескочу;
Оддай мене, моя мати, за кого я зхочу!
Ой у полѣ нивка, на ней материнка;
Тамъ дѣвчина жито жала, сама чорнобривка.
Ишовъ козакъ дорогою: помогай Бôгъ, женче!
Вона ёму одвѣчала: здоровъ бувáй, серце!
Да вже-жъ тая слава по всêмъ свѣту стала,
Що дѣвчина козаченька серденькомъ назвала!

LXXV.

Одна гора высокая, а другая низька;
Одна мила далекая, а другая близька.
Ой утои далекои волы да коровы;
А у сеи близенькои да чорныи бровû.
А у тои далекои волы поздыхають;
А у сеи близенькои брôвки не злиняють.
А у тои далекои рушни́къ на колóчку;
А у сеи близенькои брôвки на шнурочку.

Ой я тую далекую людямъ подарую;
А до сеи близенькои и самъ помандрую!
Ой я тую далекую метлами помечу;
А до сеи близенькои соколомъ полечу!

LXXVI.

Иде козакъ въ Украину,
Мушкетъ за плечами;
За нимъ иде дѣвчинонька
Зъ чорными бровями.—
Постôй, постôй, козаченьку!
Мôй сизенькій орле;
Ой хто жъ тебе на чужинѣ
Серденько пригорне?...
По тôмъ боцѣ за Дунаемъ
Козакъ сѣно косить;
По сêмъ боцѣ дѣвчинонька
Пана Бога просить:
Бо-дай сѣно огнемъ пойшло
И-коса зломилась,
Що-бъ я бôльше по милому
Тута не журилась!

Ой надъ быстрымъ надъ Дунаемъ
Чорный воронъ кряче;
Не едина дѣвчинонька
По козаку плаче.
Не плачъ, не плачъ, дѣвчинонько!
Не плачъ, не журися:
Ще ты, мила, замужъ нейшла,
Ще я не женився!
Прійди-жъ, прійди, козаченьку,
Що карыи очû!
Буду ждати тебе, милый,
До темнои ночû.

LXXVII.

Сидить голубъ на березѣ,
Голубка на вишнѣ;
Скажи серце минѣ правду,
Що маешъ на мыслû?
Ой я жъ тобѣ присягала
Любити якъ душу;
Теперъ мене покидаешъ—
Я плакати мушу.

Будь щаспливый изъ тоею,
Котору кохаешъ:
А надъ мене вѣрнѣйшои
На свѣтѣ не найдешъ.
Буду Бога я просити,
Що-бъ ты бувъ щасливый —
Чи зо мною, чи зъ другою —
По вѣкъ минѣ милый!
Якъ не зхочешъ серце мое
Дружиною бути,
То дай минѣ таке зѣлье,
Що-бъ тебе забути! —
Есть у мене таке зѣлье
Близько перелазу;
Якъ дамъ тобѣ напитися,
Забудешъ одъ разу! —
Буду пити черезъ силу,
Краплй не упущу:
Хиба тебе я забуду,
Якъ очй заплющу! . . .

LXXVIII.

Побѣгъ Малороссіянки.

У Кіевѣ на рыночку
Пьютъ Ляшеньки горѣлочку;
Пили-жъ воны да гуляли,
Галю ѣхать пôдмовляли.
Сѣдай Галю, моя неню!
Поѣдемо въ нашу землю!
У насъ добре поживаютъ:
Въ будденъ плахты надѣваютъ,
Въ празникъ мьякú палянúцû,
Пьютъ горѣлку изъ барильця,
На крестины медъ купýютъ
И жôнокъ своихъ шануютъ.
Отъ-такъ Галѣ говорили,
И въ кибûтку посадили;
Везутъ бѣдную дитину
На безрôдную чужину.
Ой кинулась матусенька:
Дé подѣлась Ганнусенька?...

Нема въ пущѣ, нема й дома,
Стоить навстѣжъ и комора;
Нема въ кумы и на полѣ!
Голосить матѣнка по донѣ.
Стала плакать, жалковаться,
На сыночкôвъ сподѣваться:
Сыны-жъ мои молодыи,
Берûть конû вороныи,
Поспѣшайте у погоню
За сестрою молодою.
Доженете у Прилуки—
Не робûть сестрѣ розлуки;
Доженетè у Пôлтавы—
Не робûть великой славы.
Да вона́-жъ у мене одна,
Якъ у цѣломъ году весна;
Вона дитя молодее—
Треба имья золотее.
Ѣдьте швыдчѣй, не барûтесь,
Мою Галю привезите!—
Прiѣзжають у Пôлтаву,
Бачуть сестру гарно вбрану;

Плахточка на ѐй парчова,
Галя якъ вода здорова. —
Що ты се́стро изроби́ла?
На́шу ма́тѐръ зпечали́ла!
Вона тебе проклинае,
Сама зъ туги умѝрае.
Ой велѣла тобѣ мати
Недовѣрка покидати;
Мы тебе къ собѣ прiймаемъ,
А Ляшка́ твого зрубаемъ! —
От-тутъ Галя незтямилась;
Мовъ изъ мосту провалилась,
Пала къ землѣ якъ листочокъ,
Тѝлько чули голосочокъ:
»Що хочете вы робѝте,
»Тѝльки Ляшка́ не рубѝте.«
Братья Галю не слухали,
Срѐбло, злото, все побрали —
И Ляшенька зарубали.

LXXIX.

Ой раненько сонце зходить
И позно заходить,
Що богатый до вбогои
Женихаться ходить;
А вѣрнее жениханье
До лиха доводить! —
Иде козакъ улицею,
У скрыпочку грае;
Стоить дѣвка у порога,
Звычаю не знае.
Ой ты, дѣвка гордовниця!
Гордуешъ ты мною —
Буде тобѣ гордованье
Все передъ тобою!
Буде твоя руса коса
Въ мене подъ ногою;
Буде твоя тиха мова
Въ мене подъ полою!
Шумѣтеме нагаечка
По-надъ головою,
Брязчатеме остра шабля
Услѣдъ за тобою!

LXXX.

Не противъ дня—противъ ночки
Подмовляе козакъ прочки
Молодую дѣвчиноньку.—
Чи ты-жъ тыи шляхи знаешъ,
Що ты мене подмовляешъ,
Молоденькій козаченьку? . . .
»Коли-бъ же я шляховъ не знавъ,
»То-бъ я тебе й не подмовлявъ
»Молодую дѣвчиноньку.«—
Не противъ дня—противъ ночки
Помандровавъ козакъ прочки
Зъ молодою дѣвчиною.—
Пытается дѣвчинонька
Въ молодого козаченька:
Де будемо сю ночъ ночавати?
»Ой де буде жито жате,
»То тамъ будемъ ночовати,
»Молодая дѣвчинонько!«—
Пытается дѣвчинонька
Въ молодого козаченька:
Що будемо постилати?—

»Ой у тебе запащи́на ,
»А у мене сѣрячина ,
»То те будемъ постилати!« —
Пытается дѣвчинонька
Въ молодого козаченька :
Чѣмъ будемо укрываться ?
»Якъ наступить чорна хмара ,
»То вона́ насъ покрывае ,
»Молодая дѣвчинонько ! « —
Пытается дѣвчинонька
Въ молодого козаченька :
Ой чѣмъ будемъ умыватться ?
»Я вмыюся рôсоньками ,
»Ты вмыешся слёзоньками ,
»Молодая дѣвчинонько ! « —
Пытается дѣвчинонька
Въ молодого козаченька :
Чѣмъ будемо утиратться ? —
»Ой я утрусь китайкою ,
»Тебе утру нагайкою ,
»Молодая дѣвчинонько ! . . .

LXXXI.

Пойду я въ лѣсочокъ,
Вырву кленовый листочокъ:
Чи прикрыю я своеи
Милои слѣдочокъ?...
Ой козаче, небоже!
И листочокъ не поможе:
Якъ не любила и не буду любити,
Зъ тобою говорити.
Ой пойди, хлопче,
Выведь вороного коня:
Чи промовить хочь словечко,
До мéне вона?
Ой козаче, небоже!
И коничокъ не поможе, и проч.
Ой пойди, хлопче,
Вынесь дороге сѣдельце:
Чи промовить, заговорить
Словце мое серце?
Ой козаче, небоже!
И сѣдельце не поможе! и проч.

Ой пôйди, хлопче,
Вынесь дороги́ якпа́ны:
Чи промовить, заговорить
Словцé, моя панû?
    Ой козаче, небоже!
    И якпанъ твôй не поможе! и проч.

А пôйди-жъ, хлопче,
Вынесь нагайку-дропянку:
Чи промовить хоть словечко
Моя мила зранку?...
        Ой козаче, небоже!
        Та дропяночка поможе:
        Якъ тебе любила и буду любити,
        Зъ тобою добре жити!

LXXXII.

Широкая да улиця,
Да щé й подалася;
Сидить стыдка зъ своимъ милымъ,
Да ще й обнялася!

Ой, на! тобѣ спыдка - брыдка
На станъ полотенця:
Ты не сиди зъ своимъ милымъ,
Не рѣжъ мого серця!
Ой, на! тобѣ спыдка-брыдка
Да ще й на рука́ва:
Ты не сиди зъ своимъ милымъ;
Ой вѣдьмо лукава!...
Ишла мати изъ дочкою
Отруи копати...
»Буде-жъ тобѣ, вражій сыну,
»Изъ на́шои хаты!
»Будешъ сохнуть, будешъ чахнуть,
»Сме́ртоньки бажати;
»Будешъ въ моеи матусеньки
»Воды́цѣ прохати:
»Ой дай минѣ, моя мати,
»Холодноѝ воды:
»Да вже-жъ минѣ зъ твоеи доньки
»Знуща́тися го́дѣ!...

LXXXIII.

Сама хожу по каме̂ню;
Коня вожу—ко̂нь лѣнъ топче;
На дорозѣ горобе́цъ скаче. —
Ой чи́жичку воробейчику!
Скажи́ минѣ всю правдочку:
Кому воля, кому нема? —
Дѣвонькамъ своя воля:
Да за стро̂чечку, да за вѣночокъ,
Да на у́личку, да у таночокъ. —
Чижечку вороб́ейчику!
Скажи минѣ всю правдочку:
Кому воля, кому нема? —
Па́робкамъ своя воля:
Да за шапочку, да за стрѣлочку,
Да на уличку, да за дѣвочку. —
Чижечку воробейчику!
Скажи минѣ всю правдочку:
Кому воля, кому нема? —
Молоди́чкамъ нема волі̂:

У за̀пѐчку буркунъ бурчѝтъ,
У колысцѣ—дитя кричитъ,
Пӧдъ порогомъ—порося̀ пищитъ,
А у печи̂ — горщокъ бѣжитъ:
Горщокъ каже—одстав̀ъ мене!
Порося каже—погодуй мене!
Дитя каже—розповый мене!
Бу̀ркунъ каже—поцѣлуй мене!

LXXXIV.

Ой гу̀стый очерѐтъ, да й лепѐховатый:
Чи ты-жъ мене не пӧзнавъ, пришелѐповатый?
Ты думаешъ, дурню, що я тебе люблю?
А я тебе, дурню, словами голублю!
Ты думаешъ, дурню, що я женихаться?
А я зъ тебе, дурню, абы̀ посмѣяться!
У горо̀дѣ бузина перерубленая:
Одступися, препоганый—я полюбленая!
У горо̀дѣ бузина, на ёй листу нема:
Не ходи и не люби, коли толку нема!

LXXXV.

Чи я-жъ въ мужа не жена,
Чи не господыня:
Сѣмъ день хаты не мела,
Смѣтья не носила!
За що-жъ мене, мужу, бьешъ,
За якіи вчи́нки:
Чи я-жъ тобѣ не напряла
За рôкъ три починки?
Одинъ пряла до Роздва́,
Другій до Миколы,
А якъ третій почала —
Буде й до Покровы!
Да не сама пряла,
Кума помагала;
Кумѣ дала мыску пшона
И три куски сала.
Да не сама пряла,
Були помощни́цû —
То за хлѣбъ, то за сôль,
То за паляницû.

Ой ты пьешъ, мене бьешъ!
Може-бъ я робила:
Накупивъ веретёнъ —
Нема мотовила.
Въ печи̑ дро́ва не горять,
Такъ я по̂дпалила;
Таки тобѣ недовѣрку.
Борщу наварила!
Де я зро̂сла, де ты зро̂съ —
До-купы насъ лихій зне̂съ;
А ни я, а ни ты
Не вмѣемо робити!
Ой ты пьешъ, мене бьешъ —
Розпытаймось за́ що:
Охъ и я, охъ и ты —
Обо́е ле̂дащо!

LXXXVI.

Ой куды-жъ ты, чумаче, мандруешъ?
Кому мене, серце, даруешъ?
Гей ты чумаче небоже!
Чомъ ты не робишъ якъ гоже?
Серце — чумаче, голубче!
Чомъ ты не робишъ якъ лучче?
Люди идуть у поле орати,
А мы зъ тобою у корчму гуляти.
Гей ты. . . . .
Да вже-жъ люди въ полѣ поорали;
Мы зъ тобою въ корчмѣ прогуляли.
Гей ты. . . . .
Да вже-жъ люди возять по токамъ:
Мы зъ тобою, сйрденько, по шинкамъ.
Гей ты. . . . .
Уже люди молотять цѣпами;
Мы зъ тобою, серденько, ногами.
Гей ты. . . . .
Уже люди возять и мѣшками,
Мы зъ тобою, серденько, пѣшками.
Гей ты. . . . .

LXXXVII.

Да оре Семенъ, оре
Да чорными волами;
Его жônка Катеринка
Гуляе зъ Москалями.
Да оре Семенъ, оре,
Да й на сонце поглядае;
Его жônки Катеринки
Изъ обѣдомъ немае.
До орався-жъ той Семенъ
Да й до нового лану;
Пустѝвъ волôвъ до дубровы,
А самъ пôйшовъ до дому.
Якъ прійшовъ-же той Семенъ
Да до новои хаты;
Пытается своихъ дѣтей:
А де́, дѣти, ваша мати? —
Ой пôйшла наша мати
Да у лугъ по телята;
Забожилась, заклялася,
Що: не ваша дѣти мати!

Ой якъ кинется Семенъ
Да до новои скрыньки:
Нема добра, нема й скрыньки,
А ни жôнки Катеринки!
Якъ ударится-жъ Семенъ
Да объ полы руками:
»Дѣтки мои, квѣтки мои!
»О, пропавъ же я зъ вами!
»Ой ударыте морозы
»Да на тѣ густы лозы!
»Побiй Боже Катерину
»За Семеновы слёзы!...
А Семеновы слёзы
Марне не пропали:
На камнû бѣлыи зпадали—
Бѣлы камнû розбивали!

LXXXVIII.

Сосѣдъ уже́ жито сѣе,
У сосѣда зеленѣе;
А у мене не сѣяно,
А ни поле не орано.

У сосѣда хата бѣла;
У сосѣда жôнка мила;
А у мене ни хатынки,
А ни щастя, а ни жôнки!

За сосѣдомъ молодицû,
За сосѣдомъ и вдовицû;
И дѣвчата поглядають,
Що сосѣда всѣ кохають.

Одна була полюбила
И рученьку заручила;
И та пôтôмъ такъ сказала:
Що я тебе не кохала!

Чи безъ щастя уродився,
Чи безъ щастя охрестився?
Чи такіи кумы брали—
Щастя, долû не вгадали!

Ой на ставу, на ставочку;
Тамъ плавають чириночки:
Одна другу доганяе—
Кожна собѣ пару мае!

Ой на ставу, на ставинѣ,
Тамъ плаваютъ да два лынû:
Одинъ другого догоняе —
Кожный собѣ пару мае!

LXXXIX.

Била жôнка мужика;
Пôшла позывати;
Присудили мужику
Ще жôнки прохати.
Сидитъ жôнка на припѣчку,
Нôжки пôдобгавши;
Стоитъ мужикъ у порога,
Шапочку изнявши.
Прости мене, моя мила,
Що ты мене била;
Куплю тобѣ гáрнецъ меду,
Коновочку пива. —
Ой одъ пива болитъ спúна,
Одъ меду голова:
Купи минѣ горѣлочки,
Що-бъ була здóрова.

Да ще, мужичище,
Вчини мою волю:
Поскачи ты гайдука
Да передо мною!—
Кричить мужичище,
Взявшись за бочище:
Гойя! гойя! моя мила—
Отъ и гайдучище!—

Не дивітся, Панове!
Що жônка вчинила,—
Що своëго мужика
Гайдука навчила!
Бо вже така пора прійшла,
Що ще й не бувало:
Якій дѣдько ни побье—
То й пиши пропало!

XC.

Да бурла́че, бурлаче, молодый козаче!
Да що ты заробляешъ, то й те пропиваешъ;
А якъ загуляешъ — музы́ки наймаешъ:
Ой грайте музы́ки одъ двора до двора́,
Да що-бъ не журилась моя мати стара!
»Поки музыки грали, то й насъ люди знали;
»А якъ перестали, то й ла́яти стали!«...
Да ишовъ козакъ зъ Дону, да зъ Дону до дому,
Да й сѣвъ надъ водою; проклинае долю:
»Ой доле-жъ моя, доле! чомъ ты не такая, —
»Ой чомъ ты не такая, якъ доля чужая?
»Що люди не роблять, да хороше ходять;
»А я роблю, дбаю—нічо́го не маю!
»Що люди гуляють, и роскоші мають;
»А я роблю, дбаю—и долі не маю!

Обôзвалась доля по тôмъ бôцѣ моря :
Ой козаче, бурлаче! дурный розумъ маешъ,
Що ты свою долю марне проклинаешъ.
Да пôйшовъ-бы ты на Донъ, да нанявся въ сапетки;
А въ сапетки добре, тамъ хлѣба до волû :
Сухарû да вода, то козацька ѣда! . . .

XCI.

Дé ты ходишъ, моя доле?
Не доклячешся до тебе!
Дó-сѣ можно пригорнути
Поле дикее до себе!
А тебе ось не вблажаю
До якои поры :
Все шукаю да пытаю,
Що ажъ серденько знуривъ!
Чи на морѣ межъ купцями
Лѣчишъ зъ крамомъ барышû,
Чи въ хоромахъ зъ панянками
Ты реготешъ у ночû?

Чи на небѣ изъ вôконця
Сучишъ дулû бѣднякамъ;
Чи при мѣсяцѣ безъ сонця
Чешешъ кудрû ты дѣвкамъ?
Чи крâй моря на долинѣ
Дикимъ макомъ ты цвѣтешъ,
Чи у лузѣ на калинѣ
Ты зозулькою куешъ?
Ой змилуйся, моя нене!
Да крâй мене хоть присядь,
Хоть постôй ты бûля мене —
То й тому я буду радъ! . . .

XCII.

Хóдить батько по валý,
Кличе дѣтокъ до дому:
Ходûть дѣтки до дому,
Не буде вамъ розгону!

Живи, тату, якъ Бôгъ давъ,
Коли ты нáсъ розогнавъ!
Мы бýдемо служити,
За матêрью тужити!

XCIII.

Ой по горамъ снѣги лежать,
По долинамъ во́ды стоять,
А по шляха́хъ маки́ цвѣтуть:
То не маки́, а чумаки́ —
Зъ Крыму иду́ть, рыбу везу́ть. —

Мати сына вызнавала,
Да не взнала — выкликала:
Иди, сынку, до до́моньку,
Змыю тобѣ́ голо́воньку!

»Измый, мати, сама собѣ;
»Або моей ро̂дно̂й сестрѣ!
»Мене змыють — дро̂бны до́жчі̂,
»А розчешуть — густы терны,
»А просушить — ясне сонце,
»А розкудрють — буйны вѣтры! ...«

XCIV.

Ой чума́че, чума́че ;
Въ тебе личко козаче !
Чомъ не рано зъ Крыму йдешъ ,
Не всѣхъ чумако̂въ ведешъ ? —
Ой рано я зъ Крыму йду
И всѣхъ чумако̂въ веду : }
То̂льки нема́ одного ,
Мого брата ро̂дного !
Шука́въ, шука́въ—не найшовъ,
Запре̂гъ волы , да й по̂йшовъ ! . . .
Отома́не, батьку нашъ !
Порадь-же ты тепе́ръ насъ :
Що бу́демо робити ?
Нѣ чѣмъ воло̂въ кормити ! —
А ще́ хло́пцѝ, не бѣда :
Есть у полѣ лобода́ !
Косіть, хло́пцѝ, лободу́ —
Забувайте заботу !
Косіть, хло́пцѝ , пшеницю —
Въ чисто̂мъ полѣ метлицю !

Косиⷮть, хлопцѝ, отаву—
Пасиⷮть волы на отаву!
Косиⷮть, хлопцѝ, очеретъ—
Навариⷨмо вечерять,
Укинемо чабака,
Да помянемъ чумака!

XCV.

У полѣ крыниченька
Холодна водыченька—
Тамъ чумакъ воловъ наповае:
Волы ревуть,
Воды не пьють,
Дороженьку чують.
»Бо-дай же васъ, сѣры волы,
»Да до Крыму не заходили!
»Якъ вы мене молодого
»Навѣкъ засмутили!...
Померъ, померъ чумаченько
Въ недѣлоньку вранцѣ;
Поховали чумаченька
Въ зеленомъ байрацѣ.

Насыпали чумаченьку
Высоку могилу;
Посадили на могилѣ
Червону калину.
Прилетѣла зозуленька,
Да й сказала: ку-ку!
Подай сыну, подай орле
Хоть правую руку!
»Ой радъ бы я, моя мати,
»Обѣ-двѣ подати;
»Да налягла́ сыра земля,
»Не можно пôдняти!«

XCVI.

Ой самъ же я да не знаю;
Що робити стати:
Запряжу чотырê волы
Да пôйду орати!
Волы мои половыи,
Чому не орете?
Лѣта мои молодыи,
Чого ма́рне йдете? —

Якъ бы вы насъ поганяли,
Такъ бы мы й орали;
Якъ бы вы насъ шановали,
Такъ бы васъ слухали. —
Запряжу чотырê конû,
Конû вороныи;
Да пôйду я доганяти
Лѣта молодыи.
Ой догнавъ-же лѣта свои
Въ калиновôмъ мостѣ:
Вернûтеся, лѣта мои,
Хоть до мене въ гостû!
Лѣта-жъ мои, лѣта мои,
Лѣта молоде́ньки!
Коли доля нещаслива —
Будьте короте́нькû!

XCVII.

Летить орелъ по-надъ моремъ,
По высокôй высокостû;
Плаче козакъ старесенькій
По своеи молодостû.

Лѣта-жъ мои молодыи,
Де́ ся вы подѣли?
Чи вы въ луги́, чи въ байраки́
Геть одъ мене полетѣли?
Козацькая здобы́ченька
Марне пропадае, —
Тыждень козакъ заробляе,
За одинъ день пропивае!

XCVIII.

Ой изра́да, кары очі̂, изра́да!
Чому́ въ тебе милый не вся щи́ра правда?
Каза́въ еси, що люби́ти буду;
А вже ба́чу, що не твоя буду!
Ой ты, милый, ду́маешъ, гада́ешъ:
Ма́буть мене́ поки́нути ма́ешъ!

Покинь, милый, коня вороно́го,
Що-бъ я поминала тебе молодого.
Покинь, милый, синій жупано́чокъ,
Що-бъ я поминала якій твôй стано́чокъ! —
«На що́, мила, жупанъ покидати?
«Будешъ мене и такъ поминати!»

Зробй, милый, золотыи пута,
Що-бъ я наповала коня твого тута!
Зроби, милый, золотû удила,
Що-бъ я ёго до воды водила! —
»На що, мила, золото збавляти:
»Буду коня и самъ наповати!«

XCIX.

Козакъ и Дзюба.

Козакъ коня наповавъ, Дзюба воду брала;
Козакъ собѣ заспѣвавъ, Дзюба заплакала.

(Козакъ).

Не плачъ, Дзюба моя люба, доколь съ тобою:
Якъ поѣду на Вкраину, заплачешь за мною!
Хмара иде, дожчикъ буде — ходимо до хаты;
А тамъ будемъ, Дзюбо любо, собѣ розмовляти!

А що кому до того, що я Дзюбу люблю!
А я своей Дзюбѣ любой черевички куплю.
Черевички зъ китаечки, панчошка едвабна—
Якъ же Дзюбу не любити, коли Дзюба ладна!
Черевички зъ китаечки, панчошка зъ атласу—
Ходи, Дзюбо моя люба, бо не маю часу.
Скажи, Дзюба моя люба, чи ты любишъ мене?
А я пойду до матоньки просити о тебе.
А я тебе Дзюбу люблю, самъ Богъ тое знае;
Проси мамы, проси тата, нехай насъ случае.
Коло млина конячина—яворъ похилився;
Якъ ся съ Дзюбой не оженю — не буду женитъся.
А тамъ въ лѣсѣ на голузѣ сорока скрегоче:
Ахъ, мой Боже милостивый, якъ ся тебе хоче!

(*Дзюба*).

А тамъ въ лѣсѣ при дорозѣ кокóче кокóчка:
Ой я того хлопця люблю, що дзюбатый трошки.

(*Козакъ*).

Якъ же Дзюбу не любити, коли Дзюба ладна!
А я Дзюбу поцѣлую—и на коня гайда!

(*Мать*).

Не вѣрь, Дзюбó, козакóвû; що вôнъ люльку кýрить;
Бо вôнъ мóвивъ що тя возьме, а вôнъ тебе дýрить.
Не вѣрь, Дзюбо, козаковû, що вôнъ огонь крéше;
Бо вôнъ пôйде до другои, а на тебе брéше.

(Козакъ).

Ой прибе́гъ мôй коничéнько да й передъ
ворóта:
Выйди, Дзюбо моя люба, краснéнька, зо-
лота! —

Ой не вышла Дзюба люба, вышла ее̂
мати:

(Мать).

А хто хоче Дзюбу взяти, нехъ идé до
хаты!

(Козакъ).

Бог-дáй тебе, Дзюба люба, твои чорны
очи̂!
Не стоя́въ бы мôй кóничокъ до тéмнои
ночи̂.
Нещасли́вый кóню мôй — трéба оддьı-
хати;
А що было серцю мило—треба занехати.
Ой пôйду я на гóроньку, а на горѣ бýськи;
Якiй такiй до Дзюбы, а я до Ганнуськи?

Ой чія то крыни́ченька, що голубъ ку-
пався?
Ой чія то Дзюба люба, що въ неѐ хо-
хався?

(Дзюба).

Ой выйду я на го́роньку, махну я рукою:
Заверни́ся, козаченьку! згину за тобою!

(Козакъ).

А хто лю́бить гарбу́зъ, гарбу́зъ — а я
люблю дыню;
А хто лю́бить Господаря, а я Господыню;
А хто лю́бить гу́бы, гу́бы, а я печери́цѣ;
А хто лю́бить дѣвча́тоньки, а я моло̀-
дицѣ!

(Дзюба).

Два го́лубы воду пили, а два колотили;
Бог-дай ты не скона́ли, що насъ розлу-
чили;

Хожу нужу надъ берегомъ и тяжко вздыхаю:
Бѣдна-жъ моя головонька, що долѝ не маю!
Хиба въ воду занурюся, то вже не вернуся;
Збуду смутку и хлопоту, тамъ не зажурюся.
Было-жъ мене, моя мати, малую втопити,
Нежъ такую нещасную на той свѣтъ пустити.
Ой якъ тяжко конопельки въ болотѣ топити,
А щеп яжче, моя мати, на тôмъ свѣтѣ жити.
Ни я въ лѣсѣ, ни въ долинѣ, а ни при роботѣ;
Тôльки моя головонька въ журьбѣ и хлопотѣ.
Журилася мати мною, якъ рыба водою;
Дала мене въ невоненьку—жалуе за мною.

Стратила я вѣкъ цѣлый, вже ся не надѣю,
Де-жъ я теперь себе въ свѣтѣ нещасна подѣю?
Ой ты Боже мôй единый, ты моя потѣха!
Потѣшъ мене нещасную, выбавъ съ того лиха! (*)

(*) Изъ Pielgrzym Lwowski, 1822 стр. 92. Нѣкоторыя мѣста измѣнены мною по другому списку сей пѣсни.

C.

Шуми́ть, шуми́ть дубро̂вонька,
Ту́жить, ту́жить дѣвчинонька;
Тужить, тужить и думае,
На недолю нарѣкае.

Ахъ недоля всѣмъ немила,
Чомъ же сь мене не втопила?
Лучче було утопити,
Нѐжъ съ милонькимъ розлучити.

Куда иду обернуся,
Назадъ себе оглянуся;
Ахъ якъ плачу, гды забачу —
Лѣта свои дормо трачу! (*)

(*) Также изъ Pielgrzyma. 1823.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПѢСНИ ОБРЯДНЫЯ.

1.

Веснянка.

Розлилися воды
На чотыре̂ броды:
У пе́ршому бродѣ
Солове́йко щебетавъ,
Зеле́ны сады розвивавъ;
У друго́му бродѣ
Зозу́лька кова́ла,
Лѣтечко каза́ла;
У трете́му бродѣ
Ко́ничокъ заржавъ,
Во̂нъ доро́женьку почавъ;
А въ четверто̂мъ бродѣ
Да дѣвчи́на плаче,
За нелю́бого иду́чи,
Свое лихо чу́ючи.

2.

Веснянка.

Свѣти́, зо́ре! на все поле,
Зако̂ль мѣсяць зы́йде,
За ко̂ль до мене миленькій
Вече́ряти прійде.
Ой чи прійде, чи не прійде
На вече́рю тую;
А я ёму ране́сенько
Снѣ́дати зготую! —

Цвѣли ло́зы при дорозѣ
Сине́сенькимъ цвѣто́мъ;
Ишовъ козакъ изъ улицѣ̂
Бѣле́сенькимъ свѣтомъ.
Не жаль тому коза́ченьку
Поснѣ́дати дати,
Що во̂нъ иде изъ улицѣ̂
Якъ стане свѣтати.

3.

Веснянка.

Нема́ лёду, нема́ лёду,
Нема й переходу;
Коли тобѣ́ люба, ми́ла —
Бреди́ й черезъ во́ду!

Перебрêла двѣ рѣ́ченьки
Й половину ста́ву:
Не вводь мене, козаченьку,
Въ великую славу! —

Ой сама-жъ ты, дѣвчинонько!
Себе въ славу вводишъ,
Що позне́нько, нераненько
Изъ у́лицû ходишъ. —

Ой якъ минѣ, козаченьку,
Да раньше ходити:
Якъ во́зьмешъ ты за ру́ченьку,
Не му́сишъ пустити!

4.

Троицкая.

Ой бѣжи́тъ, бѣжитъ ми́ла дѣ́вчинка,
А за нею да руса́лочка.
Ты послу́хай мене, красна па́нночка!
Загадаю тобѣ три зага́дочки;
Якъ угадаешъ—до батька пущу,
Коли-жъ не вгадаешъ—до себе возьму.

Ой що́ росте безъ кореня,
А що бѣжи́тъ безъ по́вода,
А що цвѣте безъ всякого цвѣту?
Камѣнь росте да безъ кореня,
Вода бѣжитъ да безъ по́вода,
Па́пороть цвѣте безъ всякого цвѣту!...

Па́нночка загадочки не вгадала;
Русалочка её залоскота́ла.

5.

Троицкая.

Ой завью вѣнки да на всѣ святки́,
Ой на всѣ святки—на всѣ пра́знички,
Да рано, ра́но на всѣ празнички!
А въ бору со́сна колыхалася,
Дочка ба́тенька дожидалася.
Ой мôй ба́теньку, мôй голубчику!
Ты прибудь ко мнѣ хоть на одно лѣто!
У мене въ ты́нѣ передъ воро́тями
Синее море розливается;
Паны и Гетьманы избѣгалися,
Всѣ сёму диву дивовалися.

6.

Прилетѣла зозу́ленька
Зъ темного лѣсочку;
Сѣла, пала, заковала
Въ зеленôмъ са́дочку.

Ой якъ вышла Марусенька
В нем запытала:
Скажи минѣ, зозуленько,
Довго буду въ батька? —
Будешъ мила Марусенька
Сей день до вечора! —
Бо-дай же ты, зозуленько,
Сѣмъ лѣтъ не ковала,
Що ты минѣ молоденькой
Правды не сказала!

7.

Купаловая (*).

Иване, Ивашеньку!
Не переходь дороженьку.
Иване, Ивашеньку!
Якъ перейдешъ—виноватъ будешъ.
Иване, Ивашеньку!
Зроблю я тобѣ у трёхъ зѣльяхъ.

(*) Припѣвъ къ *Купаловымъ* пѣснямъ послѣ каждаго куплета: *Купала на Ивана!*

Иване, Ивáшеньку!
Прійшлось дѣвкамъ за Дунай плыспи.

Иване, Ивáшеньку!
Всѣ дѣвочки переплыли;

Иване, Ивáшеньку!
А сироточка упонула.

Иване, Ивáшеньку!
Дошли слухи до мáчухи.

Иване, Ивáшеньку!
Да не жаль же минѣ дочки,

Иване, Ивáшеньку!
Да не дочки—падчêрочки:

Иване, Ивáшеньку!
Жаль плáхпочки-крещáпочки

Иване, Ивáшеньку!
И запáсочки-синяпочки!...

8.

Купаловая.

Торóхъ, торóхъ по дорозѣ!
Що за гóмôнъ по дубровѣ?...

Ой братъ сестру вбивать хоче;
Сестра въ брата прохáлася:

Мôй братѣчку, голубчику!
Не вбивай мене у лѣсочку.

Убій мене въ чистôмъ полѣ;
Ой якъ убьешъ, поховай мене!

Обсади мене трёмя зѣльями:
Першимъ зѣлемъ—гвоздичками,

Другимъ зѣльемъ—васильками,
Третûмъ зѣльемъ—стрѣлочками!

Дѣвочки йдуть—гвоздички рвуть
И менé зпомянуть;

Молодúчки йдуть—василёчки рвуть
И мене зпомянуть;

Паробóчки йдуть—стрѣлочки рвуть
И мене зпомянуть!...

9.

Купаловая.

А въ борку́ на клинку
Чій-же то лёнъ да не по́лотый?

То Марусинъ лёнъ, да не полотый.
Чому́-жъ вона́ да не вы́полола?

То за сîмъ, то за тымъ,
То за сномъ товсты́мъ.

Ой чія-жъ то сѣножать да неко́шеная?
То Грицько́ва сѣножать да не ко́шеная—

То за сîмъ, то за тымъ,
То за сномъ товсты́мъ.

10.

Пѣсня на обжинки.

Ой чіе-жъ то поле
Зажовтѣло стоя?
Иванове поле
Зажовтѣло стоя;
Женьцû молодыи,
Серпы золотыи! —

Ой чіе-жъ то поле
Задрѣмало стоя?
То Грицькове поле
Задрѣмало стоя;
Женьцѣ все старыи,
Серпы все стальныи! —
Задрѣмало стоя, —
А мы свому пану
Изробили славу:
Житечко пожали,
Въ снопы повязали,
У копы поклали.
А мы свому пану
Изробили славу!
Ой, панонѣку нашъ,
Обжиночкôвъ часъ!...

11.

Пѣсня зажнивная.

Ой въ чужого Господаря обѣдать пора,
А въ нашого Господаря ще́ и ду́мки нема.
Ой па́ноньку нашъ! обѣдати часъ!

У чужого Господаря горѣлочку пьють,
А въ нашого Господаря воды не дають.
Ой паноньку нашъ! обѣдати часъ!

У чужого Господаря полу́дновать пора,
А въ нашого Господаря ще й на думцѣ нема.
Ой па́ноньку нашъ! полу́дновать часъ!

У чужого Господаря пополу́дновали,
А въ нашого багатого ще й не думали.
Ой паноньку нашъ! полудновать часъ!

12.

Пѣсня зажнивная.

Закотилось да сонечко
За виноградный садъ:
Цѣлуйтеся, милуйтеся
Да хто кому радъ!
Ой *Маруся* изъ *Ивашкомъ*
Цѣловалась, миловалась
И рученьку дала:
От-се тобѣ, *Ивашеньку*,
Рученька моя!
Ой якъ дождешъ до осѣни,
Буду я твоя!...

13.

Пѣсня весѣльная.

(т. е. свадебная.)

Заковала зозу́ленька
    У садочку,
Прихиливши голо́воньку
    Икъ листочку:
Ой не буде садъ зи̂мою
    Зеленѣти,
То̂льки буде зъ-по̂дъ снѣжечку
    Листъ чорнѣти!
А якъ буде да лѣтечко
    Да й тепле́ньке,
Такъ и буде садови́нка
    Да й рясненька!

Заплакала дѣвчи́нонька
    У свѣтлицѣ,
Прихиливши голо́воньку
    До скамници̂:
Ой чи буде такъ у свекра
    Якъ у батька?

Ой чи пу́стить на улицю
Погуляти? . . .
Лихій свекоръ погуляти
Да не пустить;
Ой хоть пустить молодую
Да й пригру́стить:

Иди, иди—дитя мое—
Не бари́ся:
У сѣ́нечки, за две́речки—
Да й вернися!
Увойшо́вши у свѣ́тлоньку
Поклонися:
Ой спасибу, мôй батеньку,
Погуляла—
У сѣ́нечкахъ, на две́речкахъ
Постояла,
И челя́дина у вôчû
Не видала!

14,

Колядка (*).

А у пана *Ивана*, да на его дворѣ
Стояло древо тонке, высоке,
Тонке, высоке—листомъ широке.
Изъ того древа церковка рублена;
А въ той церковцѣ стоять три престолы.
На першомъ престолѣ—святее Роздво,
На другомъ престолѣ—святого Василя,
На третемъ престолѣ—Иванъ Креститель.
Святее Роздво—намъ радость принесло,
Святый Василь—новый годъ принесъ,
Иванъ Креститель—воду перекрестивъ.

(*) За каждымъ стихомъ изъ трехъ первыхъ поютъ: *Радуйся земле! веселися Боже нашъ надъ нами!* а за другими: *Радуйся древо! веселися Боже нашъ надъ нами!*

15.

Колядка (*).

Ишовъ, перейшовъ мѣсяць по небу;
Да спрѣвся мѣсяць зъ ясною зорёю.
Ой зоря, зоря! Дѐ въ Бога була?
Дѐ въ Бога була—дѐ маешъ спати?—
—Дѐ маю спати? у пана *Ивана*,
У пана Ивана—да на ёго дворѣ,
Да на ёго дворѣ—да ў ёго хатѣ.
А у ёго хатѣ да двѣ радостî:
Першая радость—сына женити,
А друга радость—дочку оддавати;
Сына женити—молодця *Евмйнка*,
Дочку оддавати—молоду *Настўсю*.
Бувай-же здоровъ, молодче *Евминку*!
Да не самъ зъ собою—зъ отцемъ, зъ матерью?

(*) Въ сей и слѣдующихъ *колядкахъ* къ каждому стиху припѣваютъ: *святый вечеръ!*

Изъ милымъ Богомъ, и зо всѣмъ родомъ,
Исусомъ Христомъ, святымъ Рожествомъ!

16.

Колядка

(дѣвушкѣ).

Да чому ты, дѣвчино, гуляти не йдешъ?
Ой якъ же минѣ гуляти пойти,
Що мои братики зъ войська пріѣхали?
Привезли минѣ три подарочки:
Першій подарокъ—золотый перстень,
Другій подарокъ—зеленая сукня,
Третій подарокъ—перлова нитка.
Золотый перстень—якъ огонь сяе,
Зеленая сукня—слѣдъ замѣтае,
Перлова нитка—головку обвязуе.

17.

Колядка

(дѣвушкѣ).

Ой гула́, гула́ крутая гора,
Що не вродила шовко́ва трава;
То̂льки вродило зелене вино. —
Красная па́нна вина стерегла,
Вина стерегла—крѣпко заснула.
Якъ налетѣли райскѝ пташечки,
Обдзёбали зелене вино,
Да пробудили красную панну.
Ой скоро-жъ вона тее учула,
Своимъ рукавцемъ на ѝхъ махнула!
Ой шуги́ въ луги́! райскіи пташки,
А минѣ вина само̂й надобно:
Брата женити, сестру давати,
Сама молода зарученая!

18.

Колядка.

А въ сёго пана скамья заслана ,
Да на сёй скамьѣ три кубки стоя́ть:
Къ пе́ршому кубцѣ—медо́къ-солодо́къ ,
У другôмъ кубцѣ—крѣпкее пиво ,
У третêмъ кубцѣ—зелене вино.
Зелене вино—для пана сёго ,
Крѣпкее пиво—для жôнки ёго ,
Медо́къ-солодо́къ—для ёго дѣтокъ.

19.

Колядка.

Ой въ Кіêвѣ да на ры́ночку ,
Да на жо́втôмъ пêсочку ,
Тамъ дѣвочка садъ сажала ,
Садъ сажала — поливала ,
Поливаючи примовляла :
Рости , са́ду ! высче ме́не ,
Высче мене — красче мене !

Въ тому саду три корыстоньки:
Перша корысть — то орѣшеньки,
Друга корысть — то вишеньки,
Третя корысть — то яблучки:
Орѣшками — чечоватися,
Вишеньками — забавлятися,
Яблучками — пôдкидатися.
Да бувай здорова зъ батькомъ зъ ма-
терью,
И зъ милымъ Богомъ, и зо всѣмъ родомъ,
Исусомъ Христомъ, святымъ Роже-
ствомъ!

20.

Щедрôвка (*).

Улетѣвъ соколъ изъ улицû въ дворъ.
Ой сѣвъ же вôнъ на окôнечку,
Кватырочку одчиняе,
У свѣтличку заглядае.

(*) Припѣвъ къ каждому стиху: *Щедрый вечêръ! добрый вечêръ!*

Ще свѣтличка не метена,
Ще Марусенька не чесана —
Не чесалась, не вмывалась,
На батенька разгнѣвалась:
Сукню пошили — покоротили,
Черевички зшили—да помалили.

21.

Щедровка.

(Поють дѣти).

Щедрый вечеръ! добрый вечеръ!
Добрымъ людямъ на здоровье!
Чи думу дума панъ - господарь?
А я знаю, що вôнъ дума.
Сидить собѣ въ концѣ стола,
А на ёму шуба люба,
А на шубѣ чин - що кора,
На чин - що корѣ поясочокъ,
На поясочку да калиточка,
А въ калиточцѣ сѣмъ шеляжочкôвъ:
Сёму - тому — по шеляжочку,
А намъ дѣткамъ—по пирожочку!

22.

Посыпальная пѣсня.

(Поютъ мальчики утромъ въ Новый годъ, бросая на полъ хлѣбныя зерна).

Хóдить Илья
На Василя,
Нóсить пýгу
Житяную,
Дé замахнé —
Жито росте.
Роди, Боже!
Жито, пшеницю,
Всяку пашницю:
У полѣ ядро,
А въ домѣ добро!

СЛОВАРЬ.

Подробнаго и полнаго Малороссійскаго Словаря мы еще не имѣемъ: исправнѣйшій приложенъ *Г. Котляревскимъ* къ его Енеидѣ; небольшіе Словари находятся также при Малороссійской Грамматикѣ *Г. Павловскаго* и при Опытѣ собранія Малороссійскихъ пѣсенъ *Князя Цертелева*. Словарь *Г. Войцеховича*, помѣщенный въ Трудахъ Московскаго Общества любителей Россійской Словесности, ч. III. 1823, полнѣе другихъ; но подлежитъ многимъ исправленіямъ.—

По мѣсту пребыванія и по занятіямъ своимъ, я не имѣю возможности взяться за сей предметъ; а весьма бы желалъ, что-бы кто-нибудь изъ земляковъ моихъ, знающихъ Польскій языкъ и живущихъ въ самой Малороссіи, (хотя-бы на пр. въ Харьковѣ!) принялъ на себя сей полезный и любопытный трудъ.

Въ прилагаемомъ Словарѣ объяснено значеніе встрѣчающихся въ сей книгѣ словъ, кои отличны отъ Рускихъ. — Сколько могъ, при помощи другихъ, я старался показать сродство оныхъ съ словами Польскаго и другихъ Славянскихъ нарѣчій: любители сего предмета не сочтутъ лиш-

нимъ моего труда и оцѣнятъ оный.

Что касается до измѣненія словъ и составленія рѣчи, то это требуетъ особаго сочиненія. Первоначальный очеркъ представляетъ Грамматика, изданная *Г. Павловскимъ*, 1848.—Изслѣдователь нашелъ-бы много занимательнаго, увидѣлъ-бы не рѣдко свойства языка, идущія прямо отъ Славянскаго корня и утраченныя въ Рускомъ.

Або́ (Польск.)—или.
Ажъ (Богем.)—даже, а.
Абы́—лишъ-бы. *Абы́коли*—когда-нибудь.

Ба́влюся (съ Польск.), *забавля́юся*—мѣшкаю.
Бага́то, *бага́цько*—много.
Бажа́ти, *бажа́ю*—сильно желать, вожделѣть.
Байра́къ—буеракъ.
Барви́нокъ—трава Vinca pervinca.
Ба́рзо (Польское) или *ду́же*—очень.
Бари́ло — бочка. *Бари́льце* — боченокъ. (Польск., Сербск., Франц.)
Барю́ся, *-ри́тися* — медлить, мѣшкать. Отъ Славян. *варяти*.
Ба́чу, *ба́чити* (старин. Польск.) — вижу. Оттуда—*побачивъ*, *убачивъ* (О-баче).
Біля́—возлѣ, подлѣ.
Бли́скавка (съ Польск.)—молнія, отъ глагола *бли́скаю*—блистаю.
Блужу́, *блуди́ти* (Славян.) — блуждать, плутать. *Заблудивъ*—заблудился.
Блука́ю (съ Польск.)—блуждаю.
Бо (Славян., Польск.)—ибо.
Бог-дай или *Бо-дай* (Польск.)—желаніе да сдѣлается что-либо.
Брешу́ или *га́вкаю*—см. лаю.
Бринѣю, *бринѣти*—созрѣваю, собств. темнѣю; тоже, что brunesco.—?

Брыдкій (Польск. brzydki)—мерзкій.

Брязкаю, *брязчу* — звеню, бряцаю (съ (Польск. brzeczeć).

Бугай (Польск.) —быкъ ; выпь (птица).

Будденъ—будни, будень.

Будинки (Польск.) или *хоромина*—домъ (по Нѣмец. Bude —хижина, лавка ; и въ Руск.—будка).

Будовати (Польск.)—строить.

Буркунъ—ворчунъ; также означаетъ траву Донникъ (Melilotus).

Бурчу, *бурчати* (Польск.)—ворчать.

Буська—буселъ, аистъ (птица). ?

Бути—быть: отсюда сложныя: *забувъ* — забылъ, *добувъ*—добылъ.

Былинонька—былинка. *Былина* (Карпато-Росс.)—быль, произшествіе.

Вага—тяжесть. (Съ Польск. и всѣ производныя.)

Ваги—вѣсы (коромысло на большихъ вѣсахъ — *терезы*; *шальки* — маленькія вѣски, отъ Нѣмец. Schale — чашка).

Важкій — тяжелый. *Важко* — тяжело, тяжко. *Важити*—вѣсить.

Вблажати—умилостивить, ублажать.

Вволити волю—исполнить волю. (По Славянски и Сербски *волити* знач. очень желать, что въ Малорос. *бажати*.)

Вдава́тися во что — предаваться чему-либо; значитъ также—удаваться.

Вели́къ-день — Свѣтлое Христово Воскресеніе (по Польски—Wielka-noc).

Вермья́ный то же, что *румьяный*.

Весѣлье (Польск., Серб.)—свадьба.

Вечерни́цѝ—посидѣлки (простонар. Польск. wieczorzynka).

Вече́ря, уменьш. *вече́ронька* (Славян.—по Польски wieczerza; по Сербски *вечера*) ужинъ.—*Вече́ряти* (Слав., Польс.)—ужинать.—*Добри́ - вечеръ!* (по Серб. *доба̂ръ вече!* ибо *вече* знач. вечеръ).

Вже́—у̀же́.

Взя́вся водо́ю—сдѣлался, сталъ водою.

Влучи́ти—попасть въ цѣль; и у Руск. говорится: улучить время — попасть въ часъ.

Вве́торокъ—вторникъ.

Воло́шка, уменьш. *воло́шечка* — женщина родомъ изъ Валахіи; а также и растеніе Василёкъ (Centaurea Cyanus).

Волоцю́га — бродяга, волочага. (Польск. włocęga).

Во̂нъ, вона́, воно́—онъ, она, оно.

Ворогу́ю, ворогова́ти—непріятельствую.

Во́рогъ (Польск. wrog)—врагъ, ворогъ.

Воро́женьки (уменьшит. *во́рогъ*, употр. во множ. числѣ)—враги.

Воро́женька, воро́жка; (или *зна́хорка*; муж. *зна́хорь*) — ворожея, гадальщица; отъ слова *ворожу́* — гадаю. — По Польск. wróżka.

Воруши́ти — (по Польск. wzruszać) — двигать, шевелить, ворошить.

Во̑дъ, одъ — отъ. *Во̑тко̑ли* — откуда.

Во̑чи — тоже *очи̑*.

Вплива́тися, уплива́тися — напиваться до пьяна.

Вра́нцѣ — утромъ (*ранокъ* — утро).

Вродли́вый — смотри *уродли́вый*.

Втѣ̑ка́ти или *утѣ̑кати* (Польск.) — убѣгать.

Вчи́нки — проступки; отъ слова *чини́ти* — дѣлать. — Въ Польск. uczynki знач. вообще поступки.

Вчо́ра (Польск.) — вчера, вечо́ръ.

Вы́годовати — вскормить, см. *году́ю*.

Выпы́товати — выспрашивать.

Вы́хопити — выхватить, смотр. *хапа́ю*.

Вѣ́дьма — вѣдьма, колдунья. — Низшая степень: *Босо́рка*. — Муж. *вѣдьмакъ* или *вовкула́ка*: въ особенности любитъ онъ гонять овецъ.

Вѣ́ко (Польск.) — крышка на *дѣжѣ́* (квашнѣ) или на *скры́нѣ* (сундукѣ).

Гада́ти — думать. *Га́дки не ма́е* — и не думаетъ.

Гай (Слав., Польск., Сербск., Богем.; по Нѣмец. Hain)—роща. — Въ Рускомъ языкѣ симъ словомъ выражаютъ крикъ галокъ.

Гайда (Польск., Татарск.)—пошолъ!

Га́дина (Польск.)- отъ Слав. гадъ, змѣя.

Гайду́къ — великорослый служитель; а также и особаго рода танецъ. (Въ обоихъ смыслахъ-съ Польскаго).

Га́ля, *Ганну́лька*, *Ганну́ся*, *Ганну́ська* — Аннушка.

Гара́здъ—хорошо, благополучно.

Гарбу́зъ—тыква. *Каву́нъ*—арбузъ.

Га́рный (уменьш. *га́рненькій*, *гарне́сенькій*)—хорошій; отпуда нарѣчія: *га́рно*, *гарне́сенько*—хорошо.

Гарма́та (Польск.)—пушка. Armata.

Гатъ (Польск.)—гать, плотина.

Геть—прочь! вообще значитъ отдаленіе: *геть-тамъ!* вонъ - тамъ.

Гетьма́нщина—Малороссія.

Годи́на (Польск.)—время; часъ; обстоятельства. *Годи́нонька* — времячко. (*Годъ* по Славян. знач время).

Году́ю, *годова́ти* (Польск.)—кормить.

Го́дѣ (Славян.)—довольно,—отпуда: *гожій*, *непогожій* и проч.

Голду́ю, - *дова́ти* (Польск., Нѣмецк.)—служить; дань давать.

Го́лка—игла.

Го́лька, *голю́ка*, а у Карпато-Россовъ *го́лузъ*—вѣтвь. (Польск. gałąz).

Гомоню́, -*нѣти* — кричать, шумѣть. (Въ Польск. gomonić—звучать). Отсюда въ Рускомъ — неугомонный, угомонить.

Гомо̂нъ (стар. Польск.)—шумъ, крикъ.—(Въ Рускомъ языкѣ оно превратилось въ слово *гамъ*, какъ *комонь* — въ конь).

Гордова́ти, -*дую кѣмъ* — горжусь предъ кѣмъ; *гордова́нье*—гордость; *гордовни́ця*—гордая.

Го̂рло—водоворотъ. *Го́рло*—горло.

Горобе́ць—воробей.

Горо́дъ—тоже, что огоро́дъ.

Горѣлка — водка, хлѣбное вино (Польск. gorzałka).

Грасова́ти, *грасу́ю* (Польск. grasować) — собственно значитъ шумѣть по ночамъ; танцовать; въ переносномъ смыслѣ значитъ: топтать, нестись бѣдою. Такъ и въ Нѣмецк. говорится Pest grassirt.

Гра́ю, *грати* (grać)—играю.

Гриць, *Грицько́*—Григорій.

Гре́бля (grobla Польск.)—плотина.

Гробови́ще или *мо́гилки*—кладбище.

Громада (Польск.)—собраніе; *громада лю-дей* — то, что въ Рускомъ *мірѣ людей*.

Грошй—деньги (*шагъ*—грошъ).

Губити (Славян., Польск.)—терять.

Губы—грибы.

Гукати—кричать; Слав. слово отъ *гукъ*—крикъ.—*Гукни єго!* знач. позови его; но также и въ Рускомъ говорятъ: покричи на него. (и въ Польск. huczeć; тожъ и въ Богемскомъ; и въ Серб. гукати).

Дбаю, дбати (Польск,)—пріобрѣтаю.

Де—гдѣ. *Де-сь*—гдѣ-то; развѣ; или.

Дзёбати — клюю. По Славян. и Сербски *зобати*. — *Жировати*— ѣсть плоды, говоря о птицахъ; съ Сербск. *жирити* — ѣсть жолуди, ибо *жирка* или *жиръ* знач. по Серб. и Малорос. жолудь.

Дзюба—дѣвушка рябая отъ оспы. *Дзюбъ*—птичій клювъ.

Дзюбатый или *таранковатый*—рябый отъ оспы.

Дивоватися, *дивуюся* (Польск.) — удивляться.

Дивитися, дивлюся—смотрю.

Долѣ (Славян.) — на полу, внизу, долу.

Домови́на—гробъ, и въ Руск. домовище.
Дро́бный (Польск.)—мѣлкій, частый.
Ду́ля—большая груша; кукишъ.
Дури́ти—обманывать, дурачить.
Дѣдько (Польск.)—демонъ, дьяволъ.
Дя́кую, *дя́ковати* — благодарить (отъ Польск. dziękować).

Е—есть, 3е лице глагола *бу́ти* (быть); во второмъ лицѣ *еси*; въ первомъ лицѣ не употребляется.
Едама́шка (Польск. adamaszek) — матерія весьма плотная съ узорами того же цвѣта—Дамаская, тогда въ великомъ уваженіи бывшая. — Изъ матерій въ старину, въ прошломъ вѣкѣ по крайней мѣрѣ, употребляемыхъ въ Малороссіи, мнѣ извѣстны: *полу́табенокъ* — волнистая лоснящаяся, родъ граденапля, но плотнѣе; *маре́*—волнистая, но не столь лоснящаяся какъ полу́табенокъ; *гризе́тъ* — матерія миньёная, т. е. сотканная изъ нитокъ двухъ различныхъ цвѣтовъ; *кафа́* или *конва́* — матерія шерстяная; *карма́зинъ*—красное сукно; *сіе́та* — кажется, тонкое сукно; *парча* уважалась особенно *су́тая*, т. е. изъ

одного серебра, либо золота тканая, и проч.

Едвабный (Польск.)—шелковый.

Жадный (Польск.)—никакой. Употр. какъ Латин. ullus: *безъ жадной* — безъ всякой.

Жаль— муж. рода, родит. *жалю* (съ Польскаго)—печаль.

Жалковатися, - куюся— жаловаться.

Жарты (Польск.)—шутки, отъ глагола *жартовати*—шутить, играть.

Же — что: слово, составляющее полонизмъ въ Малороссійскомъ языкѣ.

Женихатися, оттуда—*женихание*: женикъ.

Жерело или *джерело*—ключь водяной.

Жито (Польск.)—рожь.

Жменя—горсть; отъ слова жму.

Жмурити (Сербск.)—щурить; закрывать глаза; оттуда игра *въ жмурки*.

Жовнѣръ (Польск.)—солдатъ.

Жонка—женщина вообще, и собственно жена.

Жоноцькій—женскій.

Жончинъ—женинъ, принадлежащій женѣ.

Жупанъ — (Польск.) — кафтанъ; собств. Польское платье, родъ длиннаго жилета, сверхъ котораго надѣваютъ *контушъ*.

Журитися, - рюся—печалиться. *Журьба* — печаль

Заверну́тися—воротиться.

Заволати (Польск.)—возгласить, возкликнуть.

Заволо́ка—бродяга.

Загуби́ти или *згуби́ти* (смот. *губити*)—потерять.

Залѣзо — желѣзо.

Замыка́ти (Польск.)—запирать замкомъ.

Заморо́ка—очаровательница.

Занеха́ти (Польск.) — оставлять. Отъ сло́ва *нехай*.

Запа́ска, *запа́сочка*, *запасчи́на* — кусокъ шерстяной матеріи, которую Малороссіянки носятъ вмѣсто фартука.

Запа́шный—душистый, пахучій.

Запорѡзье — жилище Запорожскихъ козаковъ.

Заправля́ный (zaprawiony Польск.) — приготовленный, приправленный.

Зароби́ти (Польск.)—заработать.

Зару́ченый (съ Польск.)—зговореный, женихъ; оттуда и глаголъ—*заручи́ти*.

Збавля́ти—истреблять, уменьшать.

Зы́чай (Польск.)—обычай, приличіе.

Звыча́йный — учтивый; по Польски zwyczayny значитъ обыкновенный.

Звѣрье́—(имя собирательное)—звѣри.

Згадати—вспомнить, вздумать.
Зготую (Польск.)—приготовлю.
Здобыча , *здобыченька* : Польск. zdobycz.
Змовити — произнести , сказать. *Мова* (Польск.)—рѣчь. *Мовлявъ*—дискать.
Зозуля, *зозуленька* , *зозулька* (zezhulicka Богемс.)—кукушка ; въ Игоревой пѣсни—*зегзица*.
Зоря — звѣзда ; заря.
Зранку (Польск.)—съ утра.
Зтямитися—опомниться, смот. *тямлю*.
Зустрѣваю—встрѣчаю.

Израда—измѣна, обольщеніе.
Икъ—къ.
Иншій (Польск.)—иной.
Изправити или *справити*, *справляю* (Польское)—сдѣлать какую-либо вещь.
Ище, *ще*—еще.
Казанъ (Серб.) — котелъ. — *Котлы* (Богем.) — литавры.
Казати—говорить, сказывать. (Серб., Богем.—по Польски kazać знач. повелѣвать). *Казка*—сказка; *приказка*—анекдотъ.
Калитка (Польск., Рус. стар.)—мошенка, мѣшечекъ; калитка же (у воротъ) называется *хвортка* (fórtka въ Польскомъ); хвортка (Руск. и Польск.)

въ окнѣ — назыв. по Малороссійски *кватырка*.

Ка́рый — черный. Въ Рускомъ и Польскомъ говорится *карій* только о черныхъ лошадяхъ; но въ Малорос. выражаетъ сіе слово высшую красоту очей.

Ка́чка (Польск.)—утка.

Ква́питися, ква́плюся (Польск., Богемс.)—торопиться, спѣшить.

Квѣ́тка (по Польск. kwiatek) — цвѣтъ; въ Рускихъ провинціяхъ также говорятъ: твѣтъ и квѣтъ.

Керова́ти,-ру́ю (Польск.)—править, управлять.

Киги́! голосъ чайки; оттуда и глаголъ *кигикати, кигичу, кигиче*. Въ Переясловѣ говорятъ *куги! кугичу*. . .

Ко́бза—бандура.

Кова́ль (Польск.)—кузнецъ.

Кова́ти, ку́ю — кромѣ обыкновеннаго значенія, говорится всегда о звукахъ кукушки: *зозу́ля ку́е, закова́ла*. . .

Ковта́ти—глотать.

Ко́жный (или *жодный*)—каждый.

Коли́-сь—когда-то, нѣкогда.

Коло́дязь—колодецъ; по Славян. кладязь, студенецъ.

Колотити (kłócić)—болтать какую-либо жидкость.

Ключъ—кромѣ ключа отъ замка́, знач. еще палку съ колышкомъ, которою достаютъ вѣдра изъ колодца.

Коло́—около.

Коля́са (Польск.)—повозка, екипажъ. Употреб. только въ пѣснѣ и произх. отъ Славян., Сербск. *ко́ло*—колесо.

Ко́ми́нъ (Польск., Сербск.)—дымная труба въ печи.

Комна́та (Польск.)—маленькая комната въ дому; а другая бо́льшая называется—*свѣтлиця*.

Комо́ра (Польск.)—анбаръ.

Компанія (Польск.)—рота солдатъ.

Конвалѣ́я—ландышъ (съ Польскаго, а въ Польск. съ Латинск, стариннаго Lilium Convallium).

Коново́къ—деревянный сосудъ, родъ вѣдра. Отъ Славян. *конобъ*—сосудъ.

Корабе́ль—корабль.

Кори́тися, -рюся (Польск.)—покоряться. По Сербски *корити*—укорять.

Корова́й (Польск.)—свадебный куличь.

Коса́рь (Польск.)—косецъ.—*Косови́ци́*—время сѣнокоса.

Кохáти, - хаю (Польск.)—любить. Оттуда: *кохáный*—возлюбленный; *кохáна, кохáнка* — возлюбленная; *кохáнье*—любовь.

Кпѝтися, кплю́ся (Польск. простонар.)—чваниться, издѣваться.

Кра̂й—возлѣ, близь.—Также и въ Сербск.; и въ Рускихъ пѣсняхъ: *по край моря* и пр.

Крáмъ (Польск.) — мѣлкій товаръ—лавка съ мѣлкимъ товаромъ; оттуда *крáмарь* — торговецъ. Въ Малорос. *товаръ* значитъ рогатый скотъ и произх., кажется, отъ *табаръ*; въ Арханг. Лѣтоп. *товаръ* означаетъ войско.

Крáсчій; красче—лучшій; краше.

Крешу́, кресáти (Сербск. Польск.)—огонь высѣкать, кромсать огонь. *Кресáло* или *крéсиво* — огниво.

Криштáль—хрусталь.

Крóпля (Польск.) или *крáпля*—капля.

Крупá (Серб., Богем., Польск.) — мѣлкій градъ.

Крынѝця (Польск.)—источникъ.

Ку́ганъ — большой курга́нъ; малый же курганъ называется *могилою*.

Ку́чери̂ (Богемск.)—кудри.

Кучеря́вый—кудрявый, курчавый.

Ла́зня (Польск.)—баня. По Малорос. *ба́ня* знач. глава на церковномъ зданіи.
Ланцю́гъ (Польск.; въ Сербск. *ланацъ*)—цѣпь.
Ла́нъ (Польск.) — поле, участокъ земли. По Серб. знач. *лёнъ*.
Ла́стовка—ласточка (птица).
Ла́ю, ла́яти—бранить. (*Брешу, брехати*—съ Польск. знач. лаять по собачьему; а также — лгать. Въ Игоревой пѣсни говорится: *лисицы брешутъ*).
Лепе́ховатый—вялый.
Лобода́ (Славян., Сербск.)—лебеда.
Лоскочу́, лоскотати (Польск.)—щекочу.
Лы́нути—летѣть, изчезать; — Употреб. только въ производныхъ: *полыну́ти* — полетѣть, *злы́нути* — взлетѣть; отсюда въ Руск. *улынуть*—ускользнуть.
Лыца́рській—рыцарскій.
Лѣ́пше (Польск.) или *лу́чче*—лучше.
Лѣчи́ти (Польск.)—щитать. (*Го́ити, гою*—какъ и въ Сербск.—значитъ лѣчить наружныя болѣзни).
Лю́бощи́—наслажденіе любви. Такъ въ Руск. отъ сло́ва радость произх. *радощи*.
Лю́бый (Польск.)—милый; *люба, любка*—милая. *Любкою* называется также растеніе Orchis bifolia.
Лю́лька (Польск.)—трубка; а люлька или колыбель наз. *колыска*.

Лякати, лякаю — пугаю. *Злякався* — испугался.

Ма, мае—имѣетъ.
Ма-буть (т. е. имѣетъ-быть)—можетъ быть.
Малити, малю (Славян., Сербск.)—*помалити*—дѣлать меньше, уменьшать.
Мандровати, мандрую — итти, странствовать. — Отъ Польск. — wędrować; а Польск. отъ Нѣмецк. wandern.
Марне (Польск.)—понапрасну, тщетно.
Маруся, Марусенька—Маша, Машинька.
Материнка — растеніе Душица, Origanum vulgare.
Мати, матеръ, матѣнка, матуся—мать, матушка; *панй - матка* (Польск.)—госпожа; *пан - отець* — почтенный лѣтами человѣкъ, но чаще — священникъ.
Маю, мати—имѣю.
Маю, маяти—двигать, помавать. Оттуда и въ Рускомъ: маяться, маятникъ.
Мережка — узоръ. (Отъ Славян. *мрежа*—сѣть).
Мерщѣй—скорѣе.
Млиновый—мѣльничный, отъ слова *млинъ*

(Польск., Сербск.) — мѣльница. — *Млинцѝ*—знач. блины; то же и въ Славян. языкѣ: *сковрадный млинъ*, 2 Цар. 6. 19. — *Мѣрошникъ*—мѣльникъ. — Мукá по Малорос. *борошно*, отъ Славян. слова брашно, какъ видно изъ Сербскаго, на коемъ *брашно* знач. мукá.

Мóва (Польск.)—рѣчь. *Умова*—уговоръ.

Молодúця, въ Славянскомъ *юнóтка*.

Мотовúло—тожъ въ Польск. и Рускомъ.

Москáль (Польск.)—солдатъ; Руской человѣкъ, а особливо съ бородою.

Москóвщина—Велико-Россія, Moscovia.

Моргáти—мигать.

Мýсити, мýшу (Польск., Богем.) — быть принужденнымъ, должнымъ.

Мякій (Славян. *мяккій* превратилось въ Руское) — мягкій.

Мьяснúцѝ—мясоѣдъ.

Нáдити, нáжу—учащаю, привыкаю куда ходить. *Унáдився журавéль до бáбиныхъ конопель* и проч.

Нарóкомъ—нарочно, шутя.

Небóга — (Польск., Богем.) родит. *небóги*; дат. *небóзѣ*; зват. *небого!* — Зват. муж. рода: *небóже!* — По Руски сіе слово можно выразить отчасти

словомъ *бѣдняжка*. — Въ мужеск. родѣ: *нѣ небоже!* нѣтъ братъ!

Недѣля (Польск.)—воскресенье.

Недовѣрокъ (Польск.)—изувѣръ, отщепенецъ.

Нема́, нема́ешъ—нѣтъ (не имѣется).

Нена́че (т. е. *не иначе*), *мовъ*—будто, словно.

Не́ня, ненька; зват. *нене! ненько* (Босняц.) Употреб. почти въ однѣхъ пѣсняхъ въ такомъ смыслѣ, какъ по Руски говорится — родная, родимая. У Карпато-Россовъ *неня* знач. старшая сестра.

Нескре́ба—нечоса.

Нехай (Польск.) или *нехъ* — пусть. По Болгарски *нека*. Слово сіе сложено изъ отрицанія *не* и въ повелительномъ наклоненіи глагола *хаяти*. Такъ и въ Рускомъ говорятъ: не замай идетъ, не тронь его идетъ; и въ Славянск. въ семъ же смыслѣ: *не брани*.

Ни́шкомъ, ни́щечки—тихомолкомъ, молча.

Нудити (отъ междометія *ну!*) — тосковать. *Ну́дить*—тоскуетъ; понуждаетъ. *Ва́дить* — тошнитъ.

Ну́дно (Польск.)—тошно. *Нудьга́*—тоска.

Нѣ (Польск.)—нѣтъ.

Нѣколи—некогда, нѣтъ времени.

Обдзёбати—обклевать, говорится о птицахъ; и въ Славян. *позобати.*

Обѣ-двѣ—обѣ. *Обы-два*—оба.

Огурóкъ, огурочокъ—огурецъ.

Одбувáти—переносить, терпѣть.

Одвѣ́дати—навѣстить; (отвѣдать — по Малорос. *попрóбовати, покоштовáти*).

Одчúнити—отворить.

Одъ—предлогъ сей употребляется какъ и въ Сербскомъ: значитъ 1) отъ, 2) выражаетъ сравнительную степень: *лучче одъ тебе*—лучше чѣмъ ты, 3) всегда удерживается въ сложныхъ: *оддати*—отдать и проч.

Окрôпъ—(по Славян. и Польски *укропъ*) кипятокъ. Теплая вода, назыв. по Малороссійски *лѣ́тепло.*

Оспалый (Польск.)—сонный.

Осъ—вотъ.

Отава (то-же въ Рускомъ и Сербск.)—трава по снятіи сѣна выростающая; подростъ.

Отруíти (Польск.)—отравить.

Отрýя—отрава.

Очерéтъ—тростникъ Arundo Phragmics.

Пáвиный—павлиный.

Пáдчерицяа, *падчêрочка* **или** *падчерка* — (под-дочерь).

Палити — жечь. *Палú-вода* (Польск.) **или** *оторви-голова* — удалецъ.

Паляниця — хлѣбъ изъ грешневой мукú.

Панчóха — чулокъ.

Панъ (Польск. — (господинъ. — *Пáнû* — госпожа. *Панúчъ* — сынъ господскій; *панночка, панна* — барышня. *Паненя́* — господское дитя.

Папûръ или *паперъ* (Польск.) — бумага.

Пáробокъ (Польск.) — парень.

Перенáдити — переманить.

Перепалúти — пережечь.

Пêрцé рябé — пестрое перышко.

Печерúця — шампіонъ. Agaricus campestris.

Плáхта (по Польски назыв. кусокъ матеріи вообще) — кусокъ матеріи, обыкновенно шерстяной, который надѣваютъ женщины сзади, навязывая потомъ спереди *запáску*.

Побратúма — подруга.

Пóвный — полный.

Повзъ — мимо.

Погодовáти — покормить.

Погóжій — пріятный; смотри *гóдъ*.

Пôдобгáти нôжки — поджать подъ себя ноги.

Пѣ́дмовляти (Польск.)—подговариватъ.
Пѣ́дстаршій—второй сынъ, братъ и пр.
Подѣ́ти (Польск.)—дѣвать.
Позацвѣтали — заплѣсневѣли, отъ сло́ва *цвѣль*—плѣсень.
Позтынати (Польск.) или *потяти* — посрубливать; отъ Славян. *тну, тяти*—рубить.
Позыва́ти—просить на кого въ судѣ.
Позыватися (Польск.) — имѣть съ кѣмъ тяжбу.
Поли́вяный (Польск.) — муравленый; отъ слова *полива* — по Руски мурава (отъ зеленаго цвѣта).
Поли́ця (Польск.)—полка.
Поло́ва—мякина. *Половѣ́е жи́то*—рожь созрѣваетъ, покрывается мякиною.
Полова́нье, правильнѣе *полева́нье*?
Поны́ти—пріуныть.
Пора́да уменьш. *пора́донька*.
Пострывай—погоди!
Потуга—(послѣ - туги) — утѣха.
Похили́тися (Польск.)—наклониться, пошатнуться.
Почи́нокъ — веретено съ пряжею, початокъ.
Презъ (Болгарск. — Польск. przez) или *черезъ*—чрезъ.
Престольни́ця—столъ подъ образами,

Привестй дитя—родить.
Пригортáтися (съ Польск.)—прислониться, прислониться. *Ослóнъ*—скамья.
Пригрустúти кого—дѣйствител. глаголъ.
Присýнуться (Польск.) — придвинуться; *сýну*—движу.
Пришелéповатый — (насмѣшливое слово) неповоротливый
Причъ или *опричъ*—кромѣ.
Прохáти—просить.
Прóчки—уменьш. *прочь!*
Прошúть (снѣжокъ)—порошитъ.
Прýдко—прытко.
Пýга—плеть.
Пýгачь (Польск.) — филинъ. Оттуда фамилія Пугачевъ.
Пýгу! — крикъ филина.
Пýкнути—то же что и *стýкнути*; междометіе: *стукъ - пукъ*.
Пустовáти—шалить, дурачиться,
Пýща (Польск.) — запущенный лѣсъ; въ бóльшей степени это выражается словомъ *нéтря*, и говорится: *по пущамъ, да по нетрямъ*.
Пылъ—пыль: *припáвъ пылóмъ*—покрылся пылью.
Пытáти (Богем.; Польск. pytać)—спрашивать.
Рáда (Польск.; Нѣм. Raht) — совѣтъ. —

Словомъ симъ означался и совѣтъ или собраніе Запорожцевъ.

Реготу́, - тати—хохочу.

Робы́ти, роблю́—дѣлать, работать.

Ро́жа—цвѣтокъ Althaea rosea; но собственно значитъ кажется Розу.

Роздво́—Рождество.

Розша́рпати (Польск.)—разорвать.

Рôкъ (Польск.)—годъ; оттуда: *то-рôкъ*—прошлаго года; *то-рôчный*—прошлогодній. (Происх. отъ реку, рёкъ, какъ Латинское Fatum отъ fari).

Ру́дый (Польск.)—бурый, рыжій.

Руйну́ю (слово Польское)—разрушаю.

Рукаве́та—уменьш. отъ рукава.

Рушни́къ или *ручникъ*—полотенцо.

Рыба́лка, рыбалочка—рыбакъ.

Ря́бый—пестрый—Пестрыхъ куръ и другихъ птицъ называютъ *зозуля́стый* отъ цвѣта зозули (кокушки).

Ря́сный—частый; оттуда и названіе травы *ряска* (Lemna).

Ратова́ти (Польск. ratować; Нѣм. retten)—избавлять.

Самопалы (старинное Польск.)—ружье.

Свита, свитка—верхнее суконное платье.

Свѣтли́ця, свѣтлонька—свѣтлица.

Середу́щій—средній.

Склепи́тися — сомкнуться, смежиться.
Скреготáти—кричать какъ сорока.
Слу́хати—слушать.
Смы́кати, смы́чу — дергать.
Смѣ́тье — соръ, смётки.
Снѣ́дати (Польск.)—завтракать.
Списъ (Польск., Нѣмец.)—копье.
Сподобáтися—понравиться.
Сподѣвáтися(Польс.)—ожидать, надѣяться.
Спѣвáти (Польск.)—пѣть.
Срѐбло—серебро. *Срѐбный*—серебряный.

Ставъ (Польск.), *ставóкъ*, *ставúна* — прудъ.
Станы́—часть рубахи верхняя, которая бываетъ обыкновенно изъ лучшаго холста; *подолъ* — нижняя часть.

Стáрецъ—нищій.
Стáроста (Польск.)—старшее званіе на свадьбѣ; есть и *пóдстáроста*.
Сте́жка—уменьш. *сте́жечка* (Польск.) — тропинка; уменьш. стезя.
Стёжка, *стёнжка*—лента, застёжка.

Степъ—степь.

Сти́ха—тихо.

Стрибáти — прыгать. Мuждометіе: *стрибъ*! —

Стрѣчка—лента.
Стыдкій—постыдный.
Стырникъ (stérnik Польск.) — кормщикъ. Отъ *стыръ* (stér) — кормило.
Сухо́тонька—зазнобушка.
Су́кня (Польск.)—верхнее платье.
Сь—частица употреб. и въ Польск. послѣ нарѣчій, какъ въ Рускомъ частица *то*.
Сѣ́дало — мѣсто, гдѣ садятся на ночь птицы; насѣстъ.
Сѣдаю—сажусь.
Сѣножать (Польск.)—лугъ, гдѣ бываетъ сѣнной покосъ.
Сѣю, *сѣяти* или *зѣяти*—сѣяю.

Тано́къ—хороводная игра.
Тесні́къ—столяръ.
Тодѣ́—тогда.
Токъ—то же въ Рускомъ и Польскомъ—гладкое мѣсто, на которомъ молотятъ.
Торо́хъ—междометіе; глаголъ *торохтѣти*—гремѣть, стучать.
Тре́ба—должно, надобно.
Тро́хи (Польск.), *тро́шки*—немного.
Трусі́тися—трястись.
Тря́сця — лихорадка (по Славян. трясавица).

Тулйти—прижимать. (Отпуда: туль, втулка).

Тыждень (съ Польск.)—недѣля, седмица.

Тямити, тямлю (и въ Рускомъ простонар.)—понимаю. — *Зтямся собѣ!* — опомнись! *Не зтямилась*—не вспомнилась.

Тютюнъ (Турецк., Болгарск.) — курительный табакъ; нюхательный назыв. *табака*.

Улонька—уменьш. отъ *улиця*.

Уродлйвый (съ Польск.)—хорошій, который хорошо уродился. Отсюда: *урóда, урóдонька*.

Утéкати (Польск.)—убѣгать.

Учу́ти—услышать.

Филя, филенька—волнá.

Фóртель (старин. Польск.)—хитрость, уловка.

Хай—сокращен. *нехай*.

Хапáю или *цапаю* (Руск., Польск.) — хватаю. *Хапáюся*—хватаюсь; спѣшу.

Хáта (Польск.)—изба.

Хибá (Богемск., Польск.)—развѣ.

Хилйти (Польск.)—клонить. Отпуда и въ Рускомъ: жилый.

Хитати—качать.

Хлопъ, хлопецъ, хлопчикъ (зват. *хлопче! хлопку!*) слуга, парень; мальчикъ. Оттуда холопъ.

Хлоста (Польск.)—наказаніе.

Хмара—туча. *Хмарити*—покрывать тучами, помрачать.

Ховати (Польск.)—прятать, хоронить.

Хочъ—сокращ. хочешъ.

Хочъ, хоча или *хотя*.

Крестъ—крестъ.—Буква *х* удерживается и въ производныхъ.

Хто—кто.

Хустка (Польск.)—платокъ.

Хутко—скоро.

Цапъ (Польск.)—козелъ. — Также междометіе (см. глаголъ *цапаю*).

Цуратися — чуждаться, отрекаться. Говорятъ: *цуръ ёму, пекъ ёму! Нехай ёму цуръ!*

Чарй—чары.

Чепурный (Польск. czupurny)—опрятный, красивый; и въ Руск. чопорный.

Черевикъ (Польск., Руск.)—башмакъ.

Череда—стадо.

Черниця—монахиня; также ягода Черника, Vaccinium myrtillus.

Челядка (Польск.), *челя́донька* (муж. рода—*челя́динъ*)—слуга.

Чи (Польск., Болгарск.)—ли, или.

Чоло́мъ — бить челомъ, отдавать поклонъ; а теперь *дать чоло́мъ* значитъ дать руку въ руку.

Чо́мъ, чому́?—почто, почему.

Чочова́тися—играть въ четъ-нечетъ.

Чума́къ—Малороссіянинъ, отправляющійся за рыбою и солью, обыкновенно въ Крымъ и на Донъ.—Оттуда глаголъ: *чумаковати, чумаку́ю.*

Ша́бля (уменьш. *ша́белька;* увелич. *шаблю́ка*)—сабля.

Шанова́ти (Польск., Нѣмецк. schonen)—беречь. *Шану́йся*—берегись!

Шви́дкій—скорый, быстрый.

Ше́лягъ (то-жъ въ Руск. и Польск.), уменьш. *Шеляжо́чокъ* — мѣлкая монета.

Шевлѣ́я—шалфей.

Шере́хъ! междометіе, выражающее шорохъ.

Шкода́! тщетно.

Шко́да (Сербск.) — проступокъ; изъянъ,

вредъ. Оттуда и глаголъ *шко́дити* (и въ Сербск.).
Шляхъ (Польск.)—дорога.
Шугі́! междометіе, которымъ прогоняютъ птицъ, въ особенности хищныхъ. *Кишъ, акишъ!* — прогоняютъ куръ; *гиль!*— гоняютъ гусей.
Шука́ти (Польск.)—искать.

Ще—еще,
Щерба́тый (Польск.)—выщербленный.
Щи́рый (Польск.)—чистый, искренній.
Що—что.

Эге́!—да, такъ.

Які́й (Польск.)—какой.
Ята́нъ—сабля вогнутая?
Якъ (Польск., Слав. *яко*) — какъ.
Ялина — ель. *Ялове́цъ* — можжевельникъ. Съ Польскаго.
Ятерь—верша.
Яръ (Польск.)—оврагъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ.

I. Въ пятомъ куплетѣ не доставало двухъ стиховъ; два стиха

Свою ро̂дну Украину
На вѣки покинувъ

прибавлены мною для пополненія.

II. III. — Невозможность возврата здѣсь выражается весьма піитически, особенно во IIй пѣснѣ, подобная коей находится и между Рускими:

Отецъ на сына прогнѣвался. . .

IV и VI сходныя между собою пѣсни, а равно XI и XII напоминаютъ Байронову любимую Греческую пѣсню *послѣднее прощаніе Клефта.* — Такова изъ Рускихъ пѣсень весьма хорошо выдержанная до самаго конца, сходная въ особенности съ IVю:

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море. . .

Положеніе убитаго козака, и представленіе тоскующей матери (пѣсня XCV) въ видѣ птицы, имѣетъ отчасти пѣсня Руская:

Ахъ вы горы, горы крутыя. . .

или

Ахъ ты поле мое, поле чистое,

Ты раздолье мое широкое. . .

Одинаковыя сравненія, или по крайней мѣрѣ способы сравненія, находятся въ одной изъ самыхъ лучшихъ пѣсень Рускихъ:

Не шуми мати зеленая дубровушка. . .

и во многихъ другихъ.

IX. Пѣсня сія, отмѣнная и трогательнымъ напѣвомъ своимъ, представляетъ иносказательно подъ видомъ чайки Малороссію. Увѣряютъ, что она сочинена Богданомъ Хмѣльницкимъ (пишетъ ко мнѣ Князь Церпелевъ).

XIII. Въ сей пѣснѣ чрезвычайно хорошо выраженъ характеръ Запорожцевъ относительно женскаго пола. Подъ именемъ Сагайдачнаго должно разумѣть какого - нибудь изъ числа чиновниковъ куреня, а не того славнаго, неустрашимаго Гетьмана *Конашевича Сагайдачнаго,* который былъ и дѣйствовалъ лѣтъ за 60 до предпріимчиваго *Дорошенки,* и въ память коего существуетъ еще и нынѣ въ Южной Россіи *Сагайдачный шляхъ* (дорога).

XIVя Пѣсня относится можетъ быть ко времени Пугачева.

XVIя Перепечатана изъ Собранія Князя Церпелева, равно какъ и

XXI—Прекрасная Дума о Хмѣльницкомъ, ко-

торая относится къ извѣстнымъ произшествіямъ съ Молдавскимъ Господаремъ Василіемъ Лупулою. *Хотія*—Хотинъ. *Волóщина* — Валахія.

XXIV. Въ сей пѣснѣ, гдѣ злая мать уподоблена змѣѣ, послѣдніе стихи:

Зъѣла сонце, зъѣжъ и мѣсяця,
Зъѣжъ и зорочки—дрôбны дѣточки!

весьма піитически сказаны въ духѣ народномъ; ибо и теперь еще въ Ярославской и Орловской Губерніяхъ есть повѣрье, что змѣи пьютъ солнце; а въ Малороссіи говорятъ, что вѣдьмы снимаютъ и прячутъ звѣзды.

КЪ ВТОРОЙ КНИГѢ.

XXX. За сію прекрасную пѣсню обязанъ я моею благодарностію Г. Профессору И. М. *Снегиреву*, трудами коего много народнаго приведено уже въ извѣстность.

XXXV. Сію пѣсню обыкновенно поютъ, начиная со втораго куплета, такимъ образомъ: *ой ты живешь на горѣ*, перемѣшавъ ее съ куплетами совсѣмъ особой, LVIIIй пѣсни. —

XLI. Легко можно видѣть, что эта пѣсня составлена изъ двухъ.

XLVII. Прекрасный размѣръ сей пѣсни, принятый въ подражаніе Жуковскаго пѣсни *Дубрава шумитъ*, и другія свойства, показываютъ, что она сочинена въ новѣйшее время.

XLVIII. Сія извѣстная пѣсня сочинена Козакомъ *Семеномъ Климовскимъ*, которому вѣроятно принадлежатъ и многія другія, что однакожъ сдѣлалось неизвѣстнымъ, какъ и вообще мы не знаемъ сочинителей народныхъ пѣсень.

Климовскій жилъ около 1724 года; написалъ силлабическими стихами поэму *О правдѣ и великодушіи благодѣтелей*, которая хранилась при ИМПЕРАТОРСКОЙ библіотекѣ. (Опытъ Краткой Исторіи Руской Литтературы, *Н. Греча*. 1822. стр. 380).

Пѣсня сія переходитъ изъ одного пѣсенника въ другой, съ чуждыми наростами, кои едва ли можно приписать Климовскому.

Къ напечатаннымъ пяти куплетамъ прошу читателей прибавить шестой:

Тебé-жъ, мила, не забуду,
Поки живъ на свѣтѣ буду;
Коли-жъ умру на войнѣ —
Поплачъ обо мнѣ!

КЪ КНИГѢ ТРЕТЕЙ.

LIX. И здѣсь отчасти замѣтна смѣсь двухъ пѣсень.

LXVI. Если бы прежде напечатанія сей пѣсни въ семъ собраніи я увидѣлъ списокъ оной,

изъ *Львовскаго Пилигрима* перепечатанный въ *Вѣстникѣ Европы* 1827 № 11, тогда бы читатели нашли ее въ исправнѣйшемъ видѣ, нежели какъ обыкновенно поютъ ее.

XC. Не понимаю, что значитъ *сапетка*?

XCI. Кажется мнѣ, что это довольно удачное подражаніе народнымъ пѣснямъ, но видно много искусственности.

XCIV. Вмѣсто 8го, 9го и 10го стиховъ поютъ еще такъ:

Тôлько одного нема —
Вдовиного Ивана;
Склалась ёму причина;
Голôвоньку пробила:
Поламались терезы,
Сôль вáжучи на возы.

Причина здѣсь означаетъ то, что въ Руском *притка*, откуда и слова: *попритчилось*, т. е. приключилось; *сорокопрúточка*—трава Воронецъ Actaea spicata (подобно какъ *Девясилъ* есть сокращенное Девятосилъ).

XCV. Сію пѣсню получилъ я отъ *Павла Ивановича Лузанова*.

XCIX. На стр. 150й стихъ 11й—*коло млина конятина*: слово *конятина* означаетъ траву Дятлину (Trifolium pratense), въ та-

комъ смыслѣ принято сіе слово въ Нѣмецкомъ переводѣ сей пѣсни, который вмѣстѣ съ нею напечатанъ въ Пилигримѣ Львовскомъ; но мнѣ кажется, что здѣсь разумѣется не трава, а конь.

Стр. 151. *кокоче́ кокочка.*—Глаголъ *кокотати* по Сербски означаетъ крикъ насѣдки: Малороссіяне едва ли про нее говорятъ *кокоче*, но чаще: *квокче*, *сокоче*. *Кокочетъ*—въ въ Рускомъ говорится о пѣтухѣ (*кочнѣ*). —Это слово заставило Нѣмецкаго переводчика подъ именемъ *кокочки* разумѣть насѣдку. Правда, что въ Сербскомъ языкѣ называется курица *кокошъ* (Славян.), *кокошица*, *кокошка*; но по Малороссійски и по Польски называется *квочка*; поддерживаетъ еще сомнѣніе и то, что она кокочетъ *въ лѣсѣ, при дорозѣ*.

КЪ КНИГѢ ЧЕТВЕРТОЙ.

ВЕСНЯНКИ суть пѣсни, которыя поютъ дѣвушки, собираясь по вечерамъ, до самой Троицы, начиная обыкновенно съ Марта мѣсяца— съ того времени, когда птичка Овсянка запоетъ свою веснянку, въ звукахъ которой будто слышны слова́:

Покинь санки, возьми возъ!

съ того времени, когда *щука хвостомъ разбиваетъ ледъ!...*

ТРОИЦКІЯ пѣсни поюшъ обыкновенно въ продолженіи *зеленой недѣли*, начиная съ Духова дня, ибо въ Малороссіи симъ днемъ называешся Воскресенье, а *Троица* ш. е. Троицынъ день бываешъ въ Понедѣльникъ: въ сей день обыкновенно *кумятся*.—Зеленая недѣля называешся еще *клечáльною*, ибо деревья, кои шогда сшавяшъ въ церквахъ, домахъ и на дворахъ, называюшся *клéчанье* или *Май*. Около Сшародуба сія недѣля называешся *греною*, а пѣсни *гренухами* или *гренушками*.

По народному повѣрью *Русалки*, живущія обыкновенно въ Днѣпрѣ, въ сіе время разходяшся и бѣгаюшъ по лѣсамъ и полямъ, до Пешрова дня. Посему и недѣля сія называешся *русальною*, а пѣсни — *русальными пѣснями* или просшо *русáльями*. — Объ Русалкахъ помѣщена прекрасная сшашья Г. *Снегирева* въ Вѣсшникѣ Европы 1827. гдѣ приложена и пѣсня Троицкая, (№ 11), весьма замѣчашельная по своему слогу и замысловашосши загадки Русалкиной.—Вопросъ ея: *ой щó росте́ безъ корѣня* и ошвѣшъ: *камѣнь росте безъ корѣня*—напоминаюшъ намъ признакъ, кошорымъ Линней ошличилъ минералы—Lapides crescunt!... *Пáпороть цвѣте безъ всякого цвѣту*: эшо ошносишся къ шому повѣрью, чшо Папорошь (и по Руски папорошникъ или кочедыжникъ, Filix) цвѣшешъ огненнымъ цвѣшомъ шолько въ полночь подъ Ивановъ день, и кшо успѣешъ сорвашь его и будешъ шакъ смѣлъ, чшо усшоишъ прошиву всѣхъ призраковъ, кои будушъ ему

представляться, тоть отыщеть кладъ. — Подумаешь, что это преданіе имѣло своимъ основаніемъ ботаническую истину; ибо Папоротники не цвѣтуть особыми, видимыми цвѣтами: образованіе плодовъ ихъ есть слѣдствіе цвѣтенія тайнаго, невидимаго (Cryptogamia).

6я пѣсня относится къ обычаю Малороссіянъ спрашивать кукушку о своей судьбѣ, услышавъ въ первой разъ ея куканье, которымъ она будто отвѣчаетъ на вопросы.

КУПАЛОВЫЯ пѣсни поютъ въ Ивановъ день или въ день *Купала*, еще отъ прежней Миѳологіи въ преданіяхъ и обрядахъ оставшагося. — Пѣсни сіи поются обыкновенно вечеромъ; въ сіе время скачутъ черезъ огонь, черезъ кучи крапивы и проч. — Ивановская ночь есть та, въ которую собираются сеймы вѣдьмъ на *лысой горѣ* въ Кіевѣ; туда улетаютъ онѣ чрезъ *комйнѣ*, помазавъ сперва подъ мышками отваромъ изъ разныхъ *вѣдёмськихъ* травъ, въ числѣ коихъ извѣстенъ по названію какой-то *тирлйчь*. — Улетаютъ онѣ либо на *помелѣ*, либо на *вилкахъ* (ухватѣ), либо крадутъ *клушню* (ручка или упоръ отъ колеса къ верхнему бруску Малороссійскаго воза), которую крестьяне на сію ночь запыкаютъ чекою.

У Карпато-Россовъ сей день празднуется не Купалѣ, но *Ладѣ*, и не вечеромъ, а утромъ; почему пѣсни сего обряда называются тамъ *Ладовыми*.

ОБЖИНКАМИ называется обрядъ, когда въ первый день жатвы возвращаются всѣ *женьцѣ* домой съ пѣньемъ: дѣвушка впереди несетъ маленькой снопъ, который хозяинъ ставитъ на *покутѣ* (на столикѣ подъ образами) и оставляетъ у себя; а жнецамъ пиръ. О семъ смотр. *Малороссійская деревня* Н. *Кулжинскаго*, 1827. — Къ сожалѣнію не помѣстилъ я, не имѣя у себя ни одной пѣсни *осенней* или *конопельной*, которыя поются въ то время, когда берутъ коноплы. —

Въ ЗАЖНИВНОЙ пѣснѣ *No* 12 два послѣдніе стиха потому сказаны, что свадьбы у крестьянъ Малороссійскихъ бываютъ обыкновенно осенью, и есть пословица про дѣвушку, которая не выйдетъ замужъ въ это время: *пройшла уже и Покрова; заревѣла дѣвка якъ корова*.

ВЕСѢЛЬНЫХЪ (свадебныхъ) пѣсенъ въ Малороссіи чрезвычайное множество, и прелестныхъ. Помѣщенную мною поютъ тогда, когда *молодая на посадѣ*, т. е. ко-

гда невѣста сидитъ на парадномъ мѣстѣ за *короваемъ* (свадебнымъ хлѣбомъ).—Разрѣзывая коровай, поютъ:

Свѣ́титъ мѣсяць у раю
На́шому короваю,
Що - бъ було́ видне́нько
Покраятъ ёго дро̂бне́нько.

Есть пословица: *на чужій коровай очей не порывай, да собѣ дбай.*

Колядки суть пѣсни, которыя поютъ вечеромъ 25 Декабря, обыкновенно подъ окнами, называя по именамъ хозяина, его дѣтей и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ однакожъ *колядуютъ* и цѣлую недѣлю, которая и называется *колядами*.—

Щедро̂вки суть пѣсни, которыя поются обыкновенно вечеромъ на канунѣ Новаго года; отсюда и слова́: *щедрую, щедровати.*

Въ Щедровкѣ (No 20) совсѣмъ непонятно для меня, что значитъ *чин-то кора́*, потому и написано не вѣрно!—

⁂⁂⁂⁂⁂⁂⁂⁂⁂⁂⁂⁂⁂⁂⁂⁂⁂⁂⁂⁂

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Когда отпечатаны были Пѣсни и Словарь, я получилъ нѣсколько Малороссійскихъ пѣсень изъ Вильны отъ Г. Профессора И. Н. Лобойки, коему свидѣтельствую мою благодарность. — Здѣсь помѣщаю только 5: прочія будутъ во 2мъ изданіи, если оно состоится. Тогда-жъ могутъ быть приложены и голоса многихъ пѣсень.

1.

(*Поютъ около Теребовля въ Галиціи*).

Гей ѣхали козаки зъ залога (1),
Стали собѣ конець перелога,
И зачали тишкомъ розмовляти:
Де бу́демо но̂чку ночовати?
А Маруся въ хоробѣ (2) лежала,
Ху́сточкою головку звязала:
А хто-жъ минѣ *тройзѣлья* (3) достане,
Той зо мною шай до шлюбу стане! (4)
Ажъ приступивъ козаченько зъ боку
И розвязавъ Марусѣ головку.
»Гей есть въ мене три коники въ станѣ:

»Еденъ коникъ якъ воронъ чорне́нькій ;
»Другій коникъ якъ голубь сиве́нькій,
»Третій коникъ якъ лебедь бѣленькій.
»Тымъ вороньімъ до моря поѣду ,
»Тьімъ сиве́нькимъ море переѣду ,
»Тымъ бѣленькимъ тройзѣлья достану.«
Зачавъ козакъ тройзѣлье копати ,
Стала надъ нимъ зозуля ковати :
Гей, не копай козаче тройзѣлья ,
Бо вже иде Маруся зъ весѣлья ;
Лѣвой ручкой старосту вѣтае ,
А правою меча добувае ! —
Ой у полѣ могилка бринѣла ,
Тамъ Марусй головка злетѣла :
»Ото́-жъ тобѣ, Марусю, тройзѣлье :
»Не зачина́й безъ мене весѣлья ! «

2.

Гей на ставку́, на ставку́ ,
Злапавъ орелъ ластôвку ;
Злапавъ её за крыльце ,
Повêвъ её на сельце.

Де - жъ ты мене поведешъ
Такую мале́ньку ;
Мене мати згодовала
Якъ ку́рку рябе́ньку !

Де - жъ ты мене поведешъ
Таку невели́чку ;
Мене мати згодовала
Якъ перепели́чку !

Де - жъ ты мене поведешъ
Коли хаты не маешъ ? —
»Поведу тя въ чужую ,
»Зако̂ль свою збудую ! »

Збудуй минѣ зъ лободы ,
А въ чужую не веди ;
Бо чужая не така́ ,
И сосѣдка лиха !

3.

Не тамъ щастю, не тамъ щастю
Де богаті̂ люде ;
Хто ся случивъ безъ любості̂ ,
Той щастя позбуде !

Полюбивъ я дѣвчиноньку
Высокого статку ;
Трудно-жъ минѣ ее̂ взяти,
Не мавши достатку.

Летѣвъ орелъ по-надъ моремъ
И ставъ голосити :
Ой, якъ тяжко убогому
Багату любити !

Летѣвъ орелъ по надъ моремъ
И впавъ на долину:
Немáшъ, немашъ нûцъ (5) мúльшого
Надъ мою дѣвчину!

Ой ты, Боже милостивый,
Глянь на мою быппю!
Любъ (6) дай пóмочъ въ мôмъ нещастю,
Любъ с..рошп житю!

4.

Стелися, стелися, зеленый горошe;
Якъ листъ по водѣ!
Гей, вы не тѣштеся, мои вороженьки,
Моéй пригодѣ!
Бо моя пригода, бо моя пригода
Якъ лѣтня роса:
Якъ вѣтеръ повѣе, а сонце пригрѣе,
Спадé вонá вся.
Гей ты молодéнькій, гóлубе сивенькій,
Не въ правдѣ жіешъ:
Минешъ мою хату и мои ворота,
А до иншой йдешъ!
До йншои йдýчи, до иншои йдучи
Пѣсеньку пѣéшъ;
Минѣ молоденькôй, голýбцѣ сивенькôй
Жалю завдаешъ! —

Гей ты молоденька, голубка сивенька,
Обсадися ты садомъ,
Обсадися садомъ, самимъ (7) виноградомъ,
Що бъ тя голосъ не дойшовъ! —
Я садъ не садила, а ни поливала —
Самъ ся вôнъ принявъ;
Я козака не любила, изроду не знала —
Самъ ся до мене пригнавъ.

(Поютъ въ Галиціи).

5.

При березѣ, при морѣ
Гулявъ козакъ до волû;
Ой пье козакъ, гуляе,
На молодцôвъ гукае:
Ой вы, хлопцû - молодцû!
Накажûте дѣвоньцѣ,
Нехай мене не любить,
Свого вѣку не губить;
Бо я хлопець убогій —
Сѣмсотъ волôвъ въ оборѣ (8),
Сотня коней на станѣ,
А самъ въ синемъ жупанѣ,
Ялôвнику безъ лѣку (9),
А дѣвчина въ лѣтнику (10)! —
Скоро дѣвча учула,
Да й до гаю махнула;

Накопала корêнья
Съ пôдъ бѣлого камêнья ;
Сполоскала въ рѣченьцѣ ,
Намочила въ горѣлцѣ ,
Приставила до жару ,
Кипить корêнь помалу. . .
Ище корêнь не вскипѣвъ ,
А вже козакъ прилетѣвъ.
Охъ поцо - жъ ты прилетѣвъ ;
Коли мене не схотѣвъ ? —
Якъ - же минѣ не лѣтать ,
Коли вмѣешъ чаровать ? —
Ой есть въ мене чáроньки :
Бѣле личко, бровоньки !

(Поютъ около Дубна).

---

(1) Изъ за границы (2) *хороба* — болѣзнь (3) прилистникъ? (4) подъ вѣнецъ (5) *ницъ* — ничего (6) *любъ* — либо. (7) *самый* — употребляется вмѣсто *одинъ*. (8) *обора* — ограда. (9) *ялôвникъ* — имя собирательное, означаетъ коровъ и телятъ ; *безъ лѣку* — безъ щепу, смотри въ Словарѣ — *лѣгу*. (10) *лѣтникъ* — женское полосатое платье, родъ юбки.

. . . *Да* - *й* или *да и* выговаривается *тай* ; часто также вмѣсто *да* говорятъ *та*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:			*Вмѣсто:*
Стр.	стих.		
6.	16.	отдала	оддала
10.	21.	могилоньку	да могилоньку
14.	19.	мини	минѣ
28.	8.	не мае	немае
32.	10.	Польшу	Польщу
40.	2.	оспали	оспалы
40.	9.	санопалы	самопалы
62.		XXXV.	XXXVI.
69.	3.	стоишь	стоишь мой
78.	2.	смыслоньки	мыслоньки.
89.	7.	ходи̂мо, звяжи̂мо	ходи̂мо, звяжи̂мо
90.	2.	люби̂мося	люби̂мося
93.	10.	широкаго	широкого
108.	10.	чотырêхъ	чотырёхъ
122.	14 и 18.	мтаи	маши
124.	3.	богатый	багатый
125.	15.	ночавати	ночовати
154.	8.	щеш яжче	ще тяжче
156.	12.	дормо	дарма
206.	26.	свита	свита (Славянс.)
218.	28.	разбиваетъ	разбиваешъ

Вмѣсто *Хмѣлницкій* должно писать вездѣ: *Хмелницкій*.